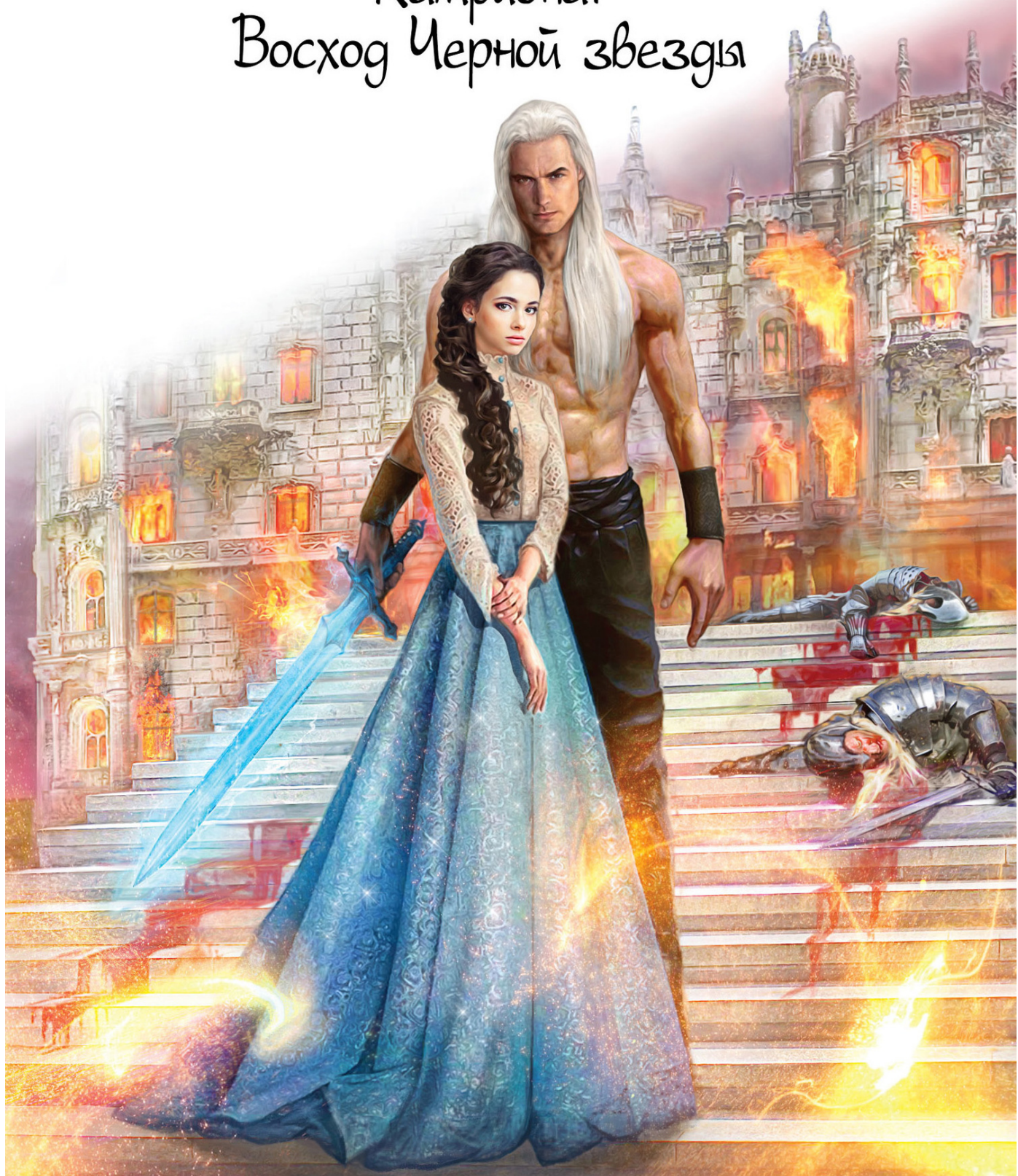

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Катриона:
Восход Черной звезды

Катриона

Елена Звездная

Восход Черной звезды

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Звездная Е.

Восход Черной звезды / Е. Звездная — «Эксмо»,
2018 — (Катриона)

ISBN 978-5-04-099059-7

Все влюбленные мечтают быть вместе до самого конца, а что делать тем, для кого смерть — это только начало? И отдавшая жизнь за любовь открывает глаза в новом чудовищно жестоком мире, в который вернулся самый беспощадный из его монстров. Араэден Элларас Ашеро достиг цели, к которой шел больше трехсот лет, и Катрионе придется пойти на сделку с кесарем, чтобы обрести хотя бы призрачную надежду вернуться домой. Что ждет ее в новом мире? Бесконечные потери и безграничная покорность, или вызов тому, кто научил ее главному — не проигрывает лишь тот, кто никогда не сдается? На небосклон восходит Черная звезда... Игра продолжается.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099059-7

© Звездная Е., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Катриона	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Елена Звездная Катриона Восход Черной звезды

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Звездная Е., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Катриона Восход Черной звезды

Смерть оказалась... странной. Головокружительной, стремительной, сверкающей. Я куда-то падала, крепко удерживаемая чем-то, смертью, наверное, затем оказалась лежащей на твердой земле. Точно, на земле. Несколько камешков ощутило давили в спину. А еще у смерти имелся... смех – громкий, исполненный невыразимого облегчения и очень напоминающий смех кесаря.

И самое невероятное – как выяснилось, после смерти ощущается ветер, слышно, как шумят листвою деревья, и даже птицы оглушительно кричат.

Забавно. Весьма.

Но, в общем и целом, умирать мне не понравилось. Странно, жестко, неудобно, жарковато, в горле пересохло, и в придачу этот победный смех. Да, смерть – это определенно не то, что про нее вещают жрицы Матери Природительницы. Жаль, не смогу просветить их на данную тему, действительно жаль... Я бы тогда существенно урезала поборы храмовников с жителей Прайды.

Внезапно смерть пробормотала какую-то фразу и разразилась очередным приступом хохота... И назрел вопрос: разве смерти полагается разговаривать голосом кесаря, а затем торжественно смеяться? На мой взгляд, это все как-то... не этично, с точки зрения морали и вообще мировой справедливости.

Не желая и далее находиться в неизвестности, я распахнула глаза... и тут же закрыла! Потому что в зеленовато-голубом небе ярко светило белое солнце. И если бы одно! Подняв руку, я чуть прикрыла глаза от света и осторожно приоткрыла сначала один глаз, затем второй. И из-под полуопущенных ресниц превосходно разглядела и первое, и второе солнце! Сердце пропустило удар. Я медленно поднялась и села, продолжая все так же вглядываться в небо...

Совершенно незнакомое мне небо!

Холодок нарастающего ужаса пробежался по спине. И момент «незнакомости» с данным конкретным небом пугал просто-таки гораздо больше, нежели кесарь, вальсирующий на поляне. Ладно, утрирую, он не вальсировал, он кружился, раскинув руки, и торжествовал, да! Судя по ликованию, которое мой супруг не скрывал, он победил в очередной раз!

Появилось желание лечь и умереть повторно!

Закрыв лицо дрожащими ладонями, некоторое время сидела, пытаюсь принять, осознать и уяснить три малоприятных факта:

1. Факт первый: я жива. По сути, это был бы, конечно, приятный факт, если бы не два последующих.

2. Факт второй: кесарь жив. Если быть совсем уж откровенной, то и данный факт не вызывал у меня отчаяния, так как с неубиваемостью императора Араэдена я уже как-то даже свыклась, человек вообще ко всему привыкает, это давно известная истина.

3. А вот что действительно рушило мое самообладание, так это факт номер три: ЭТО НЕ МОЙ МИР!

И мне орать хотелось от ужаса, но... но жизнь давно научила, когда трудно, не упиваться страданиями, а искать решение. И я вновь оглядела зеленовато-голубой небосклон, два солнца – белое и... почти черное. От белого глаза слезились, на черное смотреть было жутко. Еще безумно раздражал смех кесаря. И не просто раздражал – бесил, учитывая, что император явно торжествовал.

Но не будем о грустном.

Я окинула взором странный пригорок, на котором мы оказались, странный лес, который этот пригорок окружал, странные горы на горизонте... Очень странные, потому что горы были бело-серые, а покрывали их голубые снежные шапки. И медленно накатило осознание: Готмир был сущим пустяком по сравнению с тем, где я очутилась сейчас! Просто незначительной мелочью! Потому что он хотя бы находился в моем мире, а этот вот был совершенно мне незнаком. Я даже не знала, что это за мир...

– Это МОЙ мир! – Счастливый голос кесаря огласил окрестности. – Мой Эрадарас! Я вернулся.

Повернула голову на звук, и судьба одарила меня возможностью увидеть танец собственноручно кесаря. Грациозный такой танец, ликующий, кружильный и победительный. Ужасно веселый день: с утра я наблюдала народные танцы гоблинов и троллей, а теперь имею честь лицезреть танец кесаря.

Великий Араэден вальсировал по поляне, словно кружа в танце невидимую партнершу, затем начинал хохотать, откинув голову назад, повторял какую-то странную фразу и снова вальсировал, охваченный своей эйфорией...

У него эйфория, а я... начинаю медленно скатываться в истерику. Потому что единственное, о чем могу думать, – триста лет! Он стремился сюда больше трехсот лет! А я столько не проживу, и я...

НИКОГДА НЕ ВЕРНУСЬ ДОМОЙ!

Внутри что-то оборвалось. Слез нет. Пустота... Безысходность... Бездна отчаяния. И отчаяние накатывает сильнее, едва я понимаю, что кесаря больше нет в Рассветном мире! Его там больше нет! Теперь вся власть у рода Астаримана! У меня фактически, если учесть, что именно я императрица. И там шенге и Динар... и сейчас, когда там нет кесаря, мы с рыжим можем пожениться и править вместе, а по вечерам отправляться в охотничьи леса, сидеть у костра...

И все это теперь можно, ведь кесаря там больше нет!

Одна проблема – я не там!.. Я здесь! В этом непонятном и чужом «здесь»! В другом мире...

– Это Эрадарас, нежная моя, – отозвался тот, кого я мечтала сейчас видеть... по меньшей мере четвертованным.

– Не всем мечтам суждено сбываться, – обрадовал меня Великий Араэден.

И кесарь снова вернулся к вальсу... Хотя бы ногу подвернул.

Но он остановился, раскинул руки, и над лесом пронеслось:

– Эвери эсс лио ттери зошени ире... Эвери эсс лио ттери зошени ире... Эвери эсс лио ттери зошени ире! Кто бы мог подумать! – И снова полный абсолютного торжества смех.

Кесарь внезапно подошел ко мне, опустился на одно колено, схватил за руки и, словно ожидая от меня стремления разделить его ликование, радостно произнес:

– Эрадарас, Кари! Мы дома!

Кажется, некоторые бессмертные на почве огромной радости сошли с ума... Печальный факт, учитывая, что я нахожусь неизвестно где, а он единственный, кто знает хоть что-то о возможности возвращения.

– Это вы дома! – прошипела, едва сдерживаясь. – А вот я – демоны его знают где!

Я вырвала ладони у победителя всегда всех и во всем, поднялась, отряхнула пыль с платья и задала единственный интересующий меня вопрос:

– Какого дохлого гоблина вы меня с собой потащили?!

Кесарь окинул меня веселым взглядом, усмехнулся, а затем и вовсе расхохотался... Ненавижу!

– Почему я взял тебя с собой? – повторил он вопрос и поднялся. – Почему я взял тебя с собой... – И, вновь смеясь, ответил: – А почему бы и нет?! В конце концов, ты мне жена, непонятливая моя.

Я поступила как истинный орк, выразив свое негодование одним злым движением! И удар кулаком почти достиг цели... но кесарь перехватил мою руку. Мы так и замерли, в этом странном мире, который встретил меня отчаянием и осознанием полного бессилия. Император больно сжал запястье и, медленно наклонившись, выдохнул мне в лицо:

– Никогда. Не смей. Даже пытаться.

Замирая от ужаса, я смотрела в эти страшные сверкающие глаза, а он... наклонялся все ближе... И мне стало бы до смерти страшно, если бы не окружающий пейзаж, который пугал значительно больше кесаря.

– И что теперь? – Слезы, которых было так много в этот ужасный день, вновь начали свой неторопливый бег по щекам. – Что мне делать теперь?!

Кесарь отпустил мою руку и, словно видя впервые, прикоснулся пальцами к мокрому лицу...

А я уже просто не сдержалась:

– Вы чудовище! – Ну вот и классическая истерика. – Вы жуткое, бесчеловечное, ужасающее в своей безжалостности чудовище! Вы отняли все у меня! Вы...

Очень ласковая улыбка, и, обхватив ладонями мое лицо, кесарь с невероятной нежностью произнес:

– Да, я чудовище... ты даже не представляешь себе насколько. Потому что здесь, в Эрадаресе, люди даже не низшее сословие, вы – рабы... И здесь, моя коварная, без меня ты никто.

И, отпустив меня, он вновь начал свой ликующий танец на поляне... Гибкий змей поднялся на камень и с видом истинного властителя данных территорий пристально оглядел горизонт. С видом вернувшегося и полновластного властителя...

Кесарь был прекрасен, ужасающе прекрасен в этом своем победном ликовании... И я бы, может, порадовалась за него, вот только... Ненавижу! Великий Белый дух, как же я его ненавижу!

Но император был слишком занят, чтобы обращать внимание на мои мысли... и ему явно нравилось, что у его победы есть свидетели.

– Смотри, нежная моя, – он раскинул руки, – смотри, как прекрасна магия светлых!

Свет! Ослепительный белый свет вырвался из его груди и воспарил ошеломительно красивой огненной птицей...

Но если это лишь огонь, почему я расслышала протяжный птичий крик?! А кесарь продолжал стоять, раскинув руки, и словно окаменел. Неплохой момент, чтобы расправиться с тем, чью неубиваемость давно хотелось проверить на собственнo неубиваемость!

И я потянулась к ветру... ветер пел вокруг, но он не подчинился мне... Я потянулась к земле... но и она не услышала зова... Магия покинула меня... Кесарь сказал правду – я здесь никто!

Огромная огненная птица, совершив круг, вернулась в тело хозяина, и светлый ликующе усмехнулся. Он упивался своей силой и победой. Мне оставалось лишь познать всю бездну отчаяния.

– Мы близ Лунного дворца, – не оборачиваясь, сообщил кесарь, – здесь не более тысячи шагов до Радужной дороги, там портал перехода, и мы перенесемся в Элиргар. Моя империя ждет!

Я снова опустилась на землю, обняла колени и, глядя на черное солнце, устало произнесла:

– Прошло триста лет... Другие правители правят.

Снова смех и ликующее:

– Не более года минуло в Эрадарасе! В округе нет темных, а значит, война не завершена. Столица ждет нас, Кари Онеиро!

И, повернувшись, мне протянули руку.

Убила бы, с каким удовольствием я его убила бы! Но не хотелось ничего, даже шевелиться. Словно меня покинула не только магия, но и все жизненные силы. Слезы вновь текли по щекам и падали на испачканную, окровавленную и разрезанную рубашку. Я хотела остаться одна... хоть ненадолго, просто пожалеть себя и лишь затем подумать над тем, как мне жить теперь. Вероятно, следовало бы просто гордо покончить с собой, но... смерть – выбор слабых, а я слабой не являлась.

– Нежная моя, – кесарь подошел ближе, – ты не усвоила урока и при повторении! Не смей даже пытаться меня игнорировать.

Я подняла голову, смахнула слезы, с ненавистью посмотрела на него и впервые совершенно искренне сообщила мужу:

– Да пошли вы... к гоблинам на завтрак! И на ужин, и в качестве десерта! Уроки? Повторение? Игнорирование вас? Да мне плевать!!! Усвойте теперь вы урок, мой кесарь, вам больше нечем мне угрожать! Нечем! Все, что вы могли у меня отнять, вы уже отняли! Моя семья, мое королевство, мои близкие – все осталось там, в моем мире и вне досягаемости вашей безжалостной бесчеловечной беспощадной мести!

Судя по улыбке императора, его это волновало мало. Действительно, ему-то о чем переживать, он своей цели достиг и покинул мир, триста лет бывший для него тюрьмой. Так что все мои слова для кесаря – пустое сотрясение воздуха, я для него была всего лишь инструментом исполнения пророчества и, собственно, превосходно сыграла свою роль. В итоге он здесь, в своем мире, и не триста лет спустя, а «не миновало и года в Эрадарасе». Шикарно. У него все шикарно, это мне хоть вешайся!

Я судорожно вздохнула, пытаясь подавить рвущееся изнутри рыдание, и практически попросила:

– Имейте хоть каплю совести и оставьте меня. Если рядом есть люди, значит, я дойду до поселения сама. Рабы здесь люди или нет – неважно, что-нибудь придумаю. В конце концов, я лучше буду рабыней где-нибудь подальше от вас, чем соглашусь видеть вашу полную ликования физиономию и дальше! Ступайте, кесарь, вас ждут. Торжествуйте, упивайтесь осознанием собственной победы, а я... пойду своим путем... В конце концов, у меня есть я, а это что-то да значит.

Он больше не смеялся. Он с улыбкой смотрел, как я молча плачу над собой, своей жизнью и тем, что, похоже, остаток выделенных мне небом лет проведу в мире, освещенном двумя светилами. Я же решила позволить себе десять минут на слезы, а после планировала подниматься и идти завоевывать мир. Еще не знаю как, но завоевывать.

– Катриона, – кесарь наклонился ко мне, – ты не поняла. Это не Рассветный мир, здесь нет обладающих королевским статусом людей, здесь нет добрых и мудрых орков, а ракарды не соблюдают благородный закон степи, как Аршхан. Здесь есть темные, светлые и их сила, а люди – это рабы, у которых меньше прав, чем у скота, так что завоевывать мир не выйдет, нежная моя. Ни завоевывать, ни завоевать.

Рабы... рабы были и в Рассветном мире, но это были времена далекого и темного прошлого. Хотя существовало же рабство и в Прайде до моего над ней воцарения. Замечательно – это не только чужой, но еще и основательно отсталый мир!

– Как я уже сказала, – сдерживаемые рыдания говорить мешали, – ступайте... а я подумаю, что делать дальше.

Я не ждала многого, прекрасно понимая, что надеяться на милосердие, по меньшей мере, глупо, но кесарь сумел удивить:

– Катриона, нежная моя, – он прикоснулся к моему лицу, обвел большим пальцем губы, – у тебя есть два варианта. Первый – ты идешь в Элиргар, где становишься повелительницей моей империи, живешь в роскоши и пользуешься всеми правами и привилегиями пресветлой леди, и второй – ты можешь остаться здесь, и тогда я не поставлю и медного рха на твою жизнь. Решать тебе. Есть я и огромное государство, которым будешь управлять ты, пока я займусь военными делами, и есть одиночество в мире, где ты не знаешь языка, не являешься особой королевской крови и уродлива настолько, что карьерный рост составит путь от дешевой шлюхи до свинарки.

И, щелкнув меня по носу, Великий кесарь выпрямился, насмешливо глядя на жертву собственных многолетних интриг.

А я с ненавистью смотрела на него в ответ и напряженно размышляла. Размышлять было о чем. Благородная принцесса осталась бы сидеть и ждать спасения. Гордая принцесса поторопилась бы убежать прочь, слабая покончила бы с собой, дабы не испытывать мучений. А я... я никогда не была ни гордой, осозная, что иной раз пламя гордости требует слишком дорогой цены, ни благородной, прекрасно понимая, что благородство не особо успешный путь для выживания, ни слабой. Слабость – не то качество, которое может позволить себе наследница королевства.

– Ты благоразумная принцесса и ты хочешь жить, нежная моя. – Император Араэден протянул мне руку: – А значит, пойдешь со мной.

Единственное, чего я хочу, – вернуться домой, но для достижения этой цели мне требуется обладать свободой в мире, где все мои соплеменники пребывают в рабстве. Паршивый, похоже, мир. С другой стороны, а каким еще может быть мир, породивший кесаря?! Риторический вопрос, да.

Поднявшись, повторно отряхнула юбку, смирила полным ненависти взглядом своего супруга и повелителя и сквозь зубы ответила:

– Хорошо... Но у меня есть условия!

Подобного поворота кесарь явно не ожидал. Однако теперь, когда наши взаимоотношения не грозили благополучию Оитлона, разговаривать стало намного проще. И больше не будет молчаливого подчинения ни в чем. С меня хватит!

Кесарь, несомненно, считал все мои мысли, но вместо ужающе-ласковой улыбки я увидела внимательный взгляд и услышала:

– Условия?! Кари Онеиро, нежная моя, просто хочу, чтобы ты поняла. – Шаг, и император оказался в опасной близости.

Хотя о чем это я – с ним на любом расстоянии опасно.

– Рад, что ты и это понимаешь, – жестокая усмешка скользнула по тонким губам, – а теперь запомни: никто и никогда не будет ставить мне условий, равно как и выдвигать требования.

Я попыталась отойти, но он не позволил даже отшатнуться.

– Разумная моя, я был услышан? – ледяным тоном поинтересовался кесарь.

Как сказать. «Услышан» – это да, а вот насчет «понят» – не уверена. В прошлый раз я так ничего и не поняла. И даже намеки Динара не внесли ясности. Мне до сих пор неясно, для чего кесарю потребовалось тащить меня за собой!

– Существуют две причины, – внезапно решил проявить милость Великий Араэден. – Первую тебе, видимо, так и не суждено постичь, – он как-то горько усмехнулся, – а вторая чрезвычайно проста. Неужели ты действительно полагаешь, что я готовил тебя в правительницы Прайды?

Холодок нарастающего ужаса прошелся по спине...

– Ты нужна была мне здесь, нежная моя. – Тонкие пальцы, скользнув по шее, обхватили подбородок, заставляя запрокинуть голову и увидеть жесткий взгляд темно-серых сверкающих

глаз. – Ты станешь пресветлой императрицей Эрадараса, Кари Онеиро, именно к этому я готовил тебя изначально.

Некоторое время просто молча смотрела на кесаря... Слов не было, эмоций тоже, но и пустоты больше я не ощущала. Где-то там, в глубине души, совсем глубоко, я даже восхищалась этой его победой, ведь как сработано – в свой мир перенесся, собственноручно обученного управленца захватил и о целостности Прайды позаботился. Чистая победа! Можно было бы даже поплодировать, если бы не одно «но».

– Я вас ненавижу, – глядя в сверкающие глаза, искренне призналась я. – И ваш мир ненавижу! И вашу империю ненавижу заранее!

На это мне ответили спокойным:

– Привыкнешь. Оценишь. Полюбишь... Империю будешь строить ты, нежная моя, а ненавидеть созданное ты не умеешь. – После и вовсе с улыбкой: – Но если ты возродишь мою страну, способная моя, и пожелаешь вернуться... – Пауза, пристальный взгляд в мои глаза: – Обещаю, я открою для тебя путь в Рассветный мир.

Неожиданное предложение!

– И помашете платочком на прощание? – старательно прикрыв надежду сарказмом, с замиранием сердца спросила я.

– *Если*, – кесарь выделил это слово, – ты пожелаешь.

– Я справлюсь за год! – Мой голос дрожал, но в своем обещании я была уверена. – И через год...

– *Если* ты пожелаешь. – Кесарь насмешливо улыбался.

– Я пожелаю, уж будьте уверены!

– Я уверен в обратном, – тонкие пальцы легко прикоснулись к моим губам, – абсолютно уверен.

О да, сейчас еще и заявит, что он не проигрывает.

– Никогда, – ласковая улыбка, – и для тебя значительно менее болезненно будет сразу принять свое новое положение.

Дернув головой, я избавилась от его пальцев на своем лице, бросила взгляд на зеленоватый небосклон, на в высшей степени странный пейзаж и тихо сказала:

– Год, мой кесарь.

Араэден рассмеялся, чуть откинув голову назад, затем кивнул и, загадочно улыбаясь, произнес:

– Мы вернемся к этому разговору через год, решительная моя.

Единственное, что радовало в этой ситуации, – кесарь держит свое слово всегда.

– Приятно, что ты это понимаешь, – он вновь улыбнулся, – тем забавнее будет услышать спустя оговоренное время, что Эрадарас стал твоим домом и покидать его ты не имеешь ни малейшего желания.

«Надейтесь!» – едва сдерживая ярость, подумала я.

– Надеются глупцы, нежная моя, я ставлю цель и достигаю ее. Всегда. Идем.

* * *

Я пыталась угнаться за кесарем. Это оказалось непросто, учитывая, что мысли о его мученической смерти посещали с завидной регулярностью, и картины предстоящего убийства были столь яркими, что я неизменно забывала смотреть под ноги, едва не падала и, следовательно... приходилось опять догонять бегом. Хуже другое: год – срок, за который я должна управиться, говоря откровенно, для поставленной задачи мизерный. Но я справлюсь. Более чем уверена в этом.

Еще бы понять, с чем буду иметь дело.

– Эрадарас – это мир? – Я задыхалась от столь быстрого темпа передвижения.

– Это территория, где правят светлые, любопытная моя. – Кесарь притормозил и протянул руку, я нагло проигнорировала жест помощи. – Как пожелаешь, получай наслаждение от пробежки.

Ну и... получаю.

– А Элиргар? – продолжила я допрос.

– Столица.

Так, только я заметила странную закономерность, или как?

– Почему у вас все на «Э»? Владения – Эрадарас! Столица Элиргар, а вы и вовсе эллары.

– Сила, – кесарь отвечал неохотно, но все же отвечал. – Эль – свет, вот почему все, как ты выразилась, на «Э», и имена обладающих силой также.

Внезапно в лесу появилась дорога. Так как мы спускались с холма, то выложенного белыми плитами пути не было видно из-за кустов, но едва мне удалось прорваться сквозь колючие заросли, каблуки неожиданно звякнули.

– Это что? – тут же потребовала я объяснений.

Иронично вздернутая бровь – и насмешливое:

– Тортик... медовый! А ты что подумала?

Что бублик сахарный, шут ходячий!

Кесарь резко остановился, ме-е-едленно повернулся и о-о-очень медленно сделал шаг ко мне...

Бывшая наследница Оитлона испуганно отступила.

Требовалось срочно спасать положение.

– Я не обязана отвечать за свои мысли, это первое, и второе – на мой взгляд, желание убить вас, по меньшей мере, оправданно, но я героически сдерживаюсь, что также должно служить оправданием моей раздражительности и нелестным эпитетам в ваш адрес!

Еще шаг ко мне... О, Великий Белый дух, я же боюсь его до дрожи в коленках и с трудом сдерживаемого крика... И ведь знает прекрасно!

– Знаю, – кесарь остановился, – это дорога, испуганная моя. Еще вопросы есть?

И много! Но...

– Потом задам.

– Правильное решение. – Император Эрадараса протянул мне руку, пришлось принять ее. – И снова правильно, нежная моя.

Теперь он шел медленнее, принаравливаясь к моим шагам, я же пыталась отдышаться и осмотреться одновременно. А дорога оказалась странной. Выложенная белым камнем, очень напоминающим мрамор, с бордюрами по краям и цветущими кустами роз в изящных каменных вазонах. Красиво, изысканно, волшебное, но... дорога внезапно появлялась в лесу и столь же внезапно обрывалась, насколько я могла судить, у странного сооружения из вертикально стоящих камней. Делаем выводы: сие дорожное полотно предназначено исключительно для прогулок, вероятно, этих самых элларов, но никак не для иных функций.

– Совершенно верный вывод, – решил снизойти до ответа кесарь, – сейчас, в связи с военным положением, защита снята, но испокон веков светлые пути предназначались лишь для светлых, и иной ступивший на них обрекал себя на смерть.

Осмыслив услышанное, прямо спросила:

– То есть в вашем государстве нет нормальных дорог, отвечающих требованиям развитой экономики?

Надменный взгляд, недовольное выражение на лице – и резкое:

– Этим ты и займешься.

– То есть я еще и дороги должна строить? – возмутилась я.

Мрачный устремленный в даль взгляд. Понятно, ответа можно не ждать. Как же с вами тяжело, Великий кесарь! И все же:

– У вас аристократическое правление, я правильно поняла? – Мне было важно знать, с чем придется столкнуться.

– Да.

– А кто монарх?

Почему-то мне казалось важным выяснить все до конца данной дороги, пока я могу идти нормально, а не пригибаться, спасаясь от веток, и перепрыгивать поваленные стволы... Как-то отвлекают подобные упражнения от рассуждений.

Кесарь зло ответил:

– Старший сын Великой Пресветлой Эллиситорес.

Ого!

– А потом?! И вообще – вы бывший правитель, если я снова правильно поняла, а кто нынешний? – Хороший, кстати, вопрос.

Великий Араэден хмуρο посмотрел на меня и спокойно ответил:

– Труп.

Я снова споткнулась, несколько утратив нить его рассуждений, переспросила:

– Труп?! А разве труп может править?

Смех в ответ – и насмешливое:

– Ты тоже считаешь, что нет, нежная моя? Вот и я подумал... что нечего всяким трупам править в моей империи. Осталось лишь донести эту светлую мысль до брата...

И я не поняла:

– Это шутка?

– Нет.

– Вы брата убьете?! Родного?

Кесарь невозмутимо хмыкнул и, продолжая путь, ответил:

– Давно собирался, но повода не было.

Я ничего не сказала... А что можно сказать тому, для кого даже родственные узы не значат ничего? Лишь в очередной раз поразиться его беспримерной жестокости. Нет, я тоже добросердечием не отличаюсь и могу понять многое, но убить родного человека...

– Бесконечно поражаюсь твоей морали, – раздраженно произнес кесарь. – Не убью... раз ты так этого хочешь, добросердечная моя, но... урок преподам. Жестокий.

Мы почти подошли к краю дороги, здесь на камнях виднелся красивый рисунок в виде переплетенных символов.

– Это руны, – кесарь остановил меня и щелкнул пальцами, на концах которых мгновенно появилось серебристое свечение, – руны позволяют наложить и стабилизировать заклинание.

Император начал рисовать какой-то символ над моей головой.

А почему сразу над моей?

– Это руна защиты, подозрительная моя. – Кесарь невольно улыбнулся, потешаясь над моим возмущением. – Светлые пути переместят нас сразу в Элиргар, к моему дворцу. За триста двадцать семь лет пребывания в Рассветном мире я увеличил свой резерв силы, это позволит мне... быть достаточно откровенным в своих намерениях.

– То есть вам здесь не рады? – подметила я и тут же ядовито добавила: – И почему я не удивлена?

Заметив весьма злой взгляд, мгновенно сменила тему:

– А при чем тут этот красивый, – я скептически посмотрела на сверкающую руно, которая горела в воздухе, – но все же неясный мне символ?

Прикрыв глаза, кесарь что-то произнес, и руна рассыпалась мириадами искр, которые упали на меня и, не причинив вреда, истаяли на коже, одежде, волосах. Красивая магия, с этим не поспоришь. Непонятная, правда.

– Нежная моя, эта руна защитит тебя, пока я буду возвращать себе трон, – несколько раздраженно пояснил император. – Видишь ли, власть и деньги весьма быстро и основательно меняют владельцев, и мне придется сейчас напомнить всем, кто хозяин Эрадараса. А в процессе напоминания не хотелось бы лишиться столь умненького и исполнительного подарочка от Рассветного мира, как ты. Еще вопросы?

Вопросы?! Сначала требуется уложить в голове полученную информацию.

– Задумчивая моя, – кесарь тронул подбородок, заставив запрокинуть голову и посмотреть в свои глаза, – когда мы перенесемся в Радужный дворец, не вмешивайся ни во что. Ты должна лишь следовать за мной, как моя тень, и быть в поле моего зрения ПОСТОЯННО!

Пришлось кивнуть.

Он улыбнулся своей жуткой, угрожающе-ласковой улыбкой, и это было то единственное, что означивало переход от предупреждения к прямой угрозе:

– Но если в силу каких-то несвойственных чувству самосохранения идей ты решишь покинуть меня в тот момент, пока я буду... несколько занят, я найду тебя, коварная моя, и буду весьма неторопливо и со вкусом убивать. Медленно, мучительно и бесконечно долго. Вопросы?

– Э-э, можно было начать сразу с угроз, и тогда не потребовалось бы терять время на предупреждения, – не сдержалась я. – И да, все поняла.

На мой язвительный выпад кесарь не ответил, видимо, морально готовился к чему-то эпическому.

– Именно эпическому, – подтвердил он.

Каменная дорога обрывалась, словно обрубленная огромным топором, но мы не дошли до ее края, свернув к бело-розовым камням.

Вообще, местная природа отличалась от привычной мне – здесь царствовал сухой приморский климат, деревья не походили на лесных гигантов, чей ствол с трудом обхватывали трое, а своей стройностью и ровными стволами напоминали... кесаря. Да и сам цвет зелени у них был не насыщенный, а словно высветленный. Возможно, подобную причудливую природу сформировал свет двух светил?

– Нет, ее создали светлые, – рявкнул кесарь, – нежная моя, не отвлекай меня своими измышлениями.

Кесарь направился в середину этой странной каменной беседки, и камни озарились розовым свечением.

– Чувствуют силу, – с каким-то жестоким предвкушением произнес Араэден, – видимо, потоки бездействовали все это время... – А затем уже мне: – Иди сюда, встань рядом и держись за меня.

Последнее мне не особо нравилось. Ближе подошла, еще раз оглядела странную каменную композицию, воссоздающую восьмиугольник из маленьких камней, размером в мой рост, и четырех больших и высоких камней в середине, но прикасаться к кесарю – увольте.

Он не отреагировал на мое неповиновение и раскинул руки...

Свечение, серебристо-розовое, протянулось от его ладоней разом ко всем четырем центральным камням, от них лучами света – к остальным шестнадцати... И мир стремительно закружился, размываясь перед нашими глазами, вынуждая невольно прижаться к кесарю, обхватить его руками и, испытывая смесь страха и восхищения, следить за радугой, определенно спустившейся за нами.

– Не бойся, нежная моя, – прошептал Великий Араэден, – Эрадарас уже принял тебя.

Я не сдержалась:

– Вашего странного мира я и не боюсь, а вот вас очень даже!

- Правильно, меня бояться нужно, но я единственный, кого тебе следует опасаться.
- Это вместо «Добро пожаловать»?!

Глядя, как радуга, захватив, стремительно несет нас куда-то, гоблин его ведает куда, я зажурилась.

Кесарь ничего не ответил, впрочем, ответа я и не ждала.

* * *

Радужный дворец потрясал своей красотой! Я еще не отошла от головокружительного перемещения, но забыла обо всех неприятных ощущениях, взирая на это чудо. Белоснежные украшения и перламутровые крыши башенок, розовый камень основных зданий, – у этого архитектурного шедевра не было защитных стен, на их месте располагались сады, в которых, сверкая в лучах двух светил, переливались разноцветными струями фонтаны... А сады цвели нежно-розовыми, голубыми, фиолетовыми и белоснежными цветами... И еще поражал масштаб строения. Даже отсюда, с расстояния не менее тысячи шагов, я понимала, что дворец как минимум в десять раз огромнее королевского замка в Оитлоне... И в сотни раз прекраснее! И величественнее... Радужный... действительно радужный, потому что казался сном, чудом, миражом. Невероятное зрелище. И здесь все было невероятно прекрасно. Даже сверкающая серая дорога, что переходила в сверкающую серебристую лестницу, столь огромную, что вмещала, вероятно, больше полутора тысяч ступеней... Но преодолевшего сей путь ждала награда – белоснежный, словно невесомый, сказочно прекрасный дворец... Да, хотела бы я встретиться с мастером, создавшим это чудо, мне бы такой архитектор совсем не помешал.

– Создатель перед тобой, – насмешливо произнес император, прерывая мое восторженное любование дворцовым комплексом, и язвительно добавил: – Жаль, не хватает двадцати трех тысяч доблестных оитлонских строителей...

Стремительно развернувшись, я гневно ответила:

– Я же не знала, что вы использовали магию! Но могли бы и сказать, потому как ваше молчание обошлось мне в бессонную ночь, наполненную расчетами и проверкой гильдии строителей. И кстати, возникает вопрос – а почему вы дворец себе не отстроили, раз уж умеете? Или нравилось триста лет жить в сарае?

– Сарае?! – переспросил Араэден.

– По сравнению с Ирани в Оитлоне и Агеде в Хорнии мой дворец в Праере был действительно как сарай – огромный и несурзанный. И...

– Твой? – снова насмешка.

– Мой, – решительно подтвердила я. – А вы разрушили МОЙ дворец. И когда я вернусь...

– Нежная моя, – прервал меня кесарь, – это, – кивок в сторону радужного чуда, – твой дворец. Точнее, даже наш. Кстати, никогда не считал его прекрасным, но я рад, что тебе нравится. Ради тебя я даже отстрою его заново.

– ВАШ дворец, – зло уточнила для некоторых. – Лично я здесь надолго не задержусь, но, любопытства ради, позвольте спросить: почему в Рассветном мире вы не построили себе нечто подобное? Все же учитывая вашу магию и ее возможности...

Меня остановил странный взгляд кесаря, и, стоило мне замолкнуть, как император ответил:

– Потому что я не мог, нежная моя. Магия твоего мира не позволяет создавать что-либо материальное, а магия Эрадараса начала возвращаться ко мне лишь пять лет назад.

Мелькнула отвлеченная мысль, что мне тогда было всего пятнадцать, и это был переломный год в моей жизни – представление кесарю, статус наследной принцессы, начало моего весьма сурового обучения, новые обязанности по защите интересов Оитлона в Альянсе Прайды... Я хочу домой!

– Я тоже, – произнес Араэден, глядя на сверкающий Радужный дворец. – Не отставай.

С некоторым удивлением посмотрев на кесаря, я все же позволила себе любопытствовать:

– То есть вот так вот просто вы собираетесь ворваться на территорию власть имущих, где вас совсем не любят, а даже вовсе наоборот? – Раздраженный взгляд я проигнорировала, решив напомнить: – Мы в Эрадарасе, мой кесарь, и здесь, насколько я понимаю, многие владеют вашей светлой магией. И даже если вы ну очень... выносливый, – губы невольно расплылись в улыбке, – их здесь значительно больше. Или вы уже забыли момент пленения вас солдатами ТаЭрхадана?

Снисходительная усмешка – и спокойное:

– Два момента, нежная моя: здесь – я сильнейший среди элларов, это первое. И второе – Элионей, тот самый, что сейчас правит, совершил величайшую глупость – он поселился во дворце, который построил я. Конечно, брат всегда был глуп, и все же сложно представить, до какой степени нужно быть слабоумным, чтобы даже не попытаться изменить охранные заклинания. А судя по тому, как отзывается дворец, Элионей этого не сделал.

Проанализировав сказанное, я пришла к закономерному выводу:

– Магия светлых странная и логике не поддается. – Однако это ничего не объясняло, и я решила уточнить: – То есть ваш брат не озаботился выяснением схемы потайных ходов, что дает вам возможность неузнанным проникнуть во дворец, найти сторонников и захватить власть?

Судя по усмешке императора, я только что была причислена к весьма глупым созданиям, примерно таким же глупым, как и его брат.

– Я не считаю тебя глупой, нежная моя, – кесарь улыбнулся, – в данный момент ты просто не понимаешь, о чем речь. На объяснения времени нет, но ты все увидишь. И не забывай – ты должна быть рядом. Постоянно.

Нет, ну я, конечно, слышала подразумевающее брак выражение «вместе до гробовой доски», но кесарь, кажется, воспринял его буквально. Интересно, а как у них здесь с разводами?

Улыбка кесаря стала убийственно ласковой, и я мгновенно воскликнула:

– Да помню!

Правда, при этом мелькнула мысль – а вдруг они все там белые и пушистые, не то что кесарь.

На меня укоризненно взглянули, и самый невероятный захват власти начался.

Одним движением император сорвал с себя рубашку, и его обнаженный торс лично мне показался вызовом этому прекрасному дворцу, но уже в следующее мгновение в руках императора, словно сотканые из серебристого огня, материализовались два меча... Несмотря на сдержанность, присущую нашему бессмертному, было заметно, что кесарь им как родным обрадовался. И, поигрывая этими орудиями убийства, Араэден направился по сверкающей серой дороге.

Один против всех!

На какое-то мгновение я озабочилась мыслью о том, что кесарь совершает самый идиотский поступок в своей жизни, который к окончанию этой самой жизни и приведет, а потом просто вспомнила, что это же кесарь. Кто-кто, но он к числу идиотов никогда не относился – слишком умен, слишком расчетлив, слишком долго ждал этого момента. И, вновь взглянув на Радужный дворец, я уже даже не сомневалась в победе Великого Араэдена Элларас Ашери. А он, судя по всему, также не сомневался, что победа будет быстрой и легкой.

– Весьма легкой, – подтвердил мои предположения император и вступил на серую сверкающую дорогу.

И в то же мгновение мирный пейзаж изменился!

Небо, только что зеленовато-голубое, в мгновение почернело. Тучи кровавого оттенка возникли неизвестно откуда, сгустились, грозясь разразиться ливнем... Явно смертоносным. Воздух над нами заискрился всполохами алых молний.

– Магия темных, – зло прошипел кесарь. – С каких пор столицу светлых охраняет магия темных?!

То есть подобного некоторые бессмертные не ожидали.

– Это меняет ваши планы? – осторожно спросила я.

– Это меня злит! – последовал произнесенный ледяным тоном ответ.

Зная кесаря, точно могу сказать, что дворец теперь действительно придется отстраивать заново. Но ладно дворец – на его порог в этот момент выскакивали светлые. Примерно три сотни защитников правящего режима в сверкающих доспехах и с сияющими клинками наперевес помчались вниз по ступеням, устремляясь к нам. И в том, что им сейчас предстоит героическая смерть, я была уверена. А вот они почему-то не догадывались. Жаль.

Небо над нами громынуло в последний раз и разразилось острыми, пылающими красным огнем стрелами... Самое забавное – я даже не испугалась, я просто ждала ответных действий кесаря.

И они последовали.

Вскинув голову, Араэден посмотрел на огненный ливень. Всего один взгляд, и ливень сменился сверкающей метелью из мириада золотистых искорок... И, словно подхваченные ветром, они поднялись выше, уничтожая грозные тучи, освещая небо, наполняя все вокруг золотым мерцанием... Как в сказке...

А кесарь перевел взгляд на дворец. И на его губах заиграла улыбка... ласковая... В тот же миг сверкающие искорки, будто живые, как рой пчел, как сотни стрел, устремились вниз!

И сияющая лавина смерти обрушилась на прекраснейшее строение и его защитников!

Золотые искры атаковали жестоко и безжалостно! Вспарывая кожу, разрывая белые одежды, убивая и калеча...

Больше никаких игр, больше никаких восхитительных явлений, только смерть!

Беспощадная смерть тех, кто посмел бросить вызов, кто решился дать отпор, кто, выхватив оружие, мчался навстречу бывшему правителю. Я отчетливо видела, как сверкающие золотые искры раскроили лица воинов, почти добежавших до нас – им шагов двадцать оставалось... А теперь светлые бились в предсмертной агонии на сверкающей серой дороге, заливая ее алой кровью.

Правда, не все – некоторые, видимо маги, окружив себя синим мерцанием, продолжили атаку. Перепрыгивая через ступени, через павших, они неслись на императора с лицами, искаженными яростью и страхом... И падали, сраженные его сверкающими клинками. Кесарь убивал с невероятной легкостью, двигаясь стремительно и даже красиво, чем-то напоминая мне созданные им же смертоносные золотые искры... А я шла за ним, обходя трупы, а в некоторых местах, где обойти было невозможно, и переступая через мертвых защитников Радужного дворца...

Столько смертей... столько ужасных смертей...

– Не смей их жалеть! – неожиданно резко произнес кесарь, разя очередного светлого. – Они предатели. Они предали свою страну. Они предали свой народ. И они оказались настолько глупы, что решились встать на моем пути.

Надо же – его злит мое сочувствие. Впрочем, зная кесаря, можно смело утверждать – его злит практически все!

Их было не так много, тех, кто рискнул встать на пути разгневанного императора. Маги, узрев, как гибнут одаренные под ударами кесаря, бросились обратно. Воины ему помехой не были – искры превосходно справлялись с отправлением их в лучший мир... И стражи, тоже осознав, с кем имеют дело, устремились во дворец, под защиту его стен.

Издали было забавно наблюдать за тем, как ряды защитников колебались, а затем начали стремительно редеть. Мы не миновали и половины пути ко дворцу, а количество воинов уменьшилось раз в пять, впрочем, оставшиеся тоже скрылись во дворце и, засев у окон, попытались как атаковать нас магией, так и обстрелять из луков. Не сложилось у них ни с первым, ни со вторым – золотые искры сжигали стрелы и легко гасили серебристые всполохи магии.

Но это сейчас, а что будет, когда мы войдем во дворец?

– Беспокоиться не о чем, – ответил император, – самое время напомнить глупцам, кто здесь хозяин.

И сияющие клинки испарились, оставляя Араэдена безоружным или защитников дворца без надежды – тут уж как посмотреть.

В следующее мгновение кесарь опустился на одно колено и коснулся пальцами серебристого дорожного покрытия... Дворец содрогнулся! Да что там дворец – весь дворцовый комплекс! А затем загудело, заревело пламя, вырываясь из окон и дверных проемов! Дворец запылал изнутри!

Начинаю понимать, что показательное уничтожение кесарем Мирата в Рассветном мире – это были еще мелочи. Да вообще все, что я знала о нем раньше, это были мелочи! Вообще все!

А кесарь поднялся и совершенно спокойно направился во дворец, из которого выбегали охваченные пламенем не одаренные магией светлые, и магически одаренные выбегали так же – кто пытаясь гасить своих соратников, а кто и просто сбежать.

Учитывая, с какой скоростью маги поспешили покинуть горящий странным золотым пламенем шедевр архитектуры, их сила явно меркла в сравнении с призванной стихией.

Взмах руки – и ладонь императора вновь сжимает клинок, правда, на сей раз только один. И я, словно очнувшись от забытья, следуя за супругом, вынужденная наблюдать, как в очередном плавном движении меркнет чья-то жизнь...

И вот кесарю легко – убил и идет себе дальше, а мне приходится под ноги смотреть и частенько через убитых переступать. И не могу сказать, чтобы я отличалась излишней жалостливостью, но... «идти по трупам» в переносном смысле – одно, в буквальном – совсем иное.

Резко развернувшись, Араэден направил на меня недовольный взгляд... В следующее мгновение в воздухе сверкнула руна, взмыла вверх, и с небес ударил столб ветра, разметавший героически убитых в разные стороны.

– Ты чем-то еще недовольна, нежная моя? – ядовито осведомился супруг.

– Вам весь список зачитать или только основные пункты? – нагло ответила я.

И остолбенела!

От дворца по ступеням вниз бесшумно мчалось что-то огромное, черное, шипастое, как та зеленая зверюга, что на нас с Вейгом напала у охот лесных, только эта была раза в два больше и...

– Ара... Араэ... Кесарь, сзади! – заорала я изо всех сил.

И увидела улыбку. Не зверюги, нет – кесаря. На него мчалось это нечто огромное, а он стоял, смотрел на меня и улыбался. Не ласково, а как-то иначе совсем. Я так и замерла, удивленно глядя на того, кем сейчас, кажется, с удовольствием пообедают. Но вскинутая в сторону левая рука, и громадина, вместо того чтобы с радостью закусить столь доверчивой жертвой, неожиданно затормозила всеми шестью конечностями и радостно уткнулась носом в предоставленную ладонь.

– Аррэке, – кесарь повернулся к животине, потрепал по вытянутой морде, – саамэ хеда.

У зверенции столько радости обнаружилось. Она подпрыгивала, махала хвостом и тыкалась мордой в кесаря. Но еще один непонятный мне приказ императора – и вот эта милая... животинка, сотрясая землю, радостно помчалась к убегающим подальше от дворца светлым. Я искренне верила, что она и с ними так же мило поиграется, ровно до того момента, как зверюга

закусила головой настигнутого ею стражника. Обезглавленный пробежал еще пару шагов, но на большее его не хватило...

– Начиная радоваться тому, что я не мужчина, – потрясенно глядя на разворачивающиеся смертоубийственные события, прошептала я. – Мой кесарь, исключительно из любопытства... война – это всегда так отвратительно?

Араэден дождался, пока я подойду ближе, и весело ответил:

– Нет, жалостливая моя, война обычно гораздо интереснее. А это всего лишь бойня.

Зверюшка продолжала резвиться, и, как истинный гурман, предпочитала исключительно головы.

– Неужели это настолько... необходимо? – не выдержала я.

– Сострадательная моя, – кесарь гневно посмотрел на меня, – у меня нет никакого желания в дальнейшем тратить время и силы на поиск и уничтожение врагов моего правящего режима. Но если ты готова заниматься этим лично, я могу предоставить тебе такую возможность. Лет за пять управишься.

Очень мило!

– Ну тебе же их жаль, нежная моя, – с насмешкой произнес кесарь.

Резко выдохнув, я попросила:

– Отзывайте зверя, мой кесарь. А что касается их дальнейшего уничтожения – поверьте, нет ничего сложного в том, чтобы обратить врагов в самых ярых сторонников.

Смех, почти издевательский, и окрик:

– Аррэке!

Перестав лишать голов перепуганных светлых, шипастая тварюшка бросилась обратно к кесарю, но теперь ее гладить по морде никто не собирался. Совершенно спокойно, неспешно даже как-то, ну и с ласковой улыбкой на устах (как же без нее), кесарь направился вверх по белоснежной лестнице, поигрывая вновь призванным сверкающим клинком. Животина, весело подпрыгивая, скакала следом. Счастливая такая. Прямо как кесарь!

Мне оставалось лишь смотреть на золотые искры, доедающие светлых, которые, спасаясь от огня, выбегали из дворца. Ну а кесарь добивал тех, кто между искрами и пламенем выбрал его, как объект приложения сил и магии.

Жуткое зрелище, должна признать, а говорят, один в поле не воин.

В это мгновение какой-то светло-серебристый маг с огромным ледяным клинком наперевес рванул к кесарю. Остальные маги тут же отступили, восторженно глядя на этого воина и явно надеясь, что уж теперь-то придет конец бывшему правителю. И действительно, надеялись – у нас престарелые незамужние девы на изваяние Матери Прародительницы и то с меньшей надеждой взирают.

Кесарь остановился, с улыбкой ожидая того, кого, несомненно, знал.

Два воина сошлись в битве на белоснежных, забрызганных кровью ступенях. Сверкающие клинки скрестились, осыпав снопом искр напряженные тела. В то же мгновение вспыхнули белые одеяния ледяного воина, а обнаженный торс кесаря даже не задымился... Почему-то вдруг подумалось, что это какая-то иная магия и Араэден применил ее сознательно. Выходит, не зря раздевался.

Свет! Ослепительный, белый, и рядом с первым ледяным воином возник второй, почти идентичный первому. Он отшвырнул горящего собрата и атаковал императора.

Но Араэден оказался быстрее!

Сияющий магией серебряный клинок по рукоять вошел в тело ледяного, чья одежда мгновенно окрасилась расплывающимся алым пятном... Когда он упал на колени, потрясенно и с искренним удивлением в глазах глядя на кесаря, маги дрогнули. Кесарь же совершенно спокойно извлек свой сверкающий меч и единым отработанным ударом снес голову ледяному воину... чтобы почти мгновенно добить и второго. Зверюшка так обрадовалась, просто-таки

прыгала и хвостом виляла от счастья – а хвост шипастый, а некоторые маги пребывали в ступоре и отбежать не успели... Жутко смотреть, как живые тела нанизывают на огромные шипы... Действительно жутко.

Это сражение с ледяными воинами стало переломным моментом в битве!

Маги, глядевшие на странную схватку, бросились в разные стороны. На их лицах отражался какой-то священный, дикий ужас...

– Нежная моя! – Окрик императора заставил вздрогнуть, вырывая из охватившего от всего увиденного оцепенения.

Столп ветра, вновь ударивший с небес, очистил мой путь от двух странных, осыпающихся кровавым снегом трупов беловолосых воинов, и я вновь пошла следом за кесарем, глядя на него с таким же ужасом, как и те, кто сейчас стремительно пытался спастись...

– Что-то не так, испуганная моя? – поинтересовался император, остановившись и развернувшись ко мне.

Отрицательно покачав головой, молча последовала за вновь устремившимся вперед супругом, стараясь не думать о том, что в Рассветном мире он, оказывается, был еще очень даже... милым и милосердным.

Кесарь, перепрыгивая две-три ступеньки зараз, умчался во дворец, и сейчас там, помимо гудения пламени, что-то грохотало и громыhalo, а я, уже не особо и торопясь, продолжала подниматься по этой сверкающей лестнице, по ступеням которой устремлялись к земле ручейки алой крови прекрасных светлых...

Ненавижу войны, вот за эти бессмысленные смерти и ненавижу! Предпочитаю изысканную месть бесполезным смертям. Ужасно, просто ужасно!

– Медлительная моя, – поднимаю голову, поспешно вытираю слезы, – тебя долго ждать?

– Крыльев у меня нет, – несколько грубо ответила я.

Внимательный взгляд на меня – и приказное:

– К лестнице прикоснись!

К этой? Залитой кровью, ставшей могилой для сотни светлых? А все же придется. И я, наклонившись, касаюсь ступеней там, где нет кровавых брызг... Здесь оказался тот же эффект, что и в башне императора... Путь стремительно сократился, и, пройдя не более десяти ступеней, я шагнула к кесарю.

– Нежная моя, – огненный клинок коснулся подбородка, приподнимая мое лицо, – я приказал не отставать!

Но моего ответа или неответа Великий Араэден не ждал. Стремительно развернувшись, он вернулся в пылающий золотым огнем дворец.

Я же остановилась на пороге, вскинув голову, оценила размер дверей. Они были огромны. Огромны настолько, что явно доходили бы до середины самой высокой из башен в королевском дворце Оитлона... И, стоя на пороге, я вдруг почувствовала себя такой ничтожной, маленькой и...

– Суэрро! – окрик кесаря, и позади меня что-то падает.

Стремительно обернувшись, вижу захлебывающегося кровью светлого, со все еще занесенным надо мной клинком. Я не просто отошла, я отпрыгнула... и только тогда этот воин повалился на пол. Смотреть на расплывающуюся лужу крови у меня не было ни малейшего желания, жалости к тому, кто напал со спины, также не имелось.

– Неужели? – насмешливый голос кесаря раздался из центра пылающего пламени. – Нежная моя, твоя медлительность начинает раздражать.

Пламя вдруг угасло. И я увидела огромный зал, в котором живыми оставались лишь с десяток стоящих на коленях с опущенной головой светлых и собственно кесарь. Пара сотен обгоревших трупов здесь так же наличествовала. И не знаю, как ему, а мне от всего этого стало плохо.

Внимательный взгляд сверкающих глаз – и трупы вдруг погрузились... в монолитный каменный пол. Все. Тихий перепуганный вой стоящей на коленях светлой добавил ужаса к этой невероятной картине.

– Так лучше? – полюбопытствовали у меня.

Всосав последний труп, пол стал прежним – светлым, украшенным каким-то рисунком каменным полом. С ужасом уставилась на кесаря, тот с едва уловимой усмешкой не отрывал взгляда от меня. Крик! Ужасающий женский крик раздался откуда-то из глубины дворца... Потом перешел в вой и затих... А император продолжил насмешливо-иронично взирать на меня, словно ожидая моей реакции...

– По-вашему, «утопить врагов в крови» – единственный вариант захвата власти? – тихо спросила я.

– Каждый раз, когда я проявлял милосердие, мне приходилось сожалеть об этом, нежная моя. – Кесарь протянул руку: – Идем, уже практически все.

– Все? – Несмотря на ситуацию, я скептически усмехнулась: – Власть в государстве не обеспечивается одним захваченным дворцом... – начала я и остановилась.

Потому как прописные истины и Араэден – вещи несовместимые, и мне давно следовало бы это понять. Заставив себя ступить на только что поглотивший убитых пол, я подошла к кесарю, осторожно вложила руку в его раскрытую ладонь, вздрогнула, едва он с силой сжал мои пальцы.

– Жалость – эмоция совершенно лишняя для правителя, – резко произнес император. – Забудь о ней.

Нервно сглотнув, поинтересовалась:

– Что-то еще?

Сильные пальцы жестко обхватили подбородок, заставив вздернуть голову, взглянуть в его сверкающие глаза, и кесарь тихо, не скрывая злости, произнес:

– Хватит! – Я дышать перестала. А кесарь, чуть склонившись ко мне, добавил: – Это не Рассветный мир, нежная моя. Здесь все резче, жестче и для жалости нет места. И если я убиваю – значит, это необходимо.

Возможно, я согласилась бы. Возможно... не будь в моей жизни шенге. Но он был.

– Для захвата власти вполне достаточно устранить властителя и его приспешников, – тихо произнесла я. – И не ваша ли непомерная жестокость привела к тому, что против вас восстали собственный брат и любимая женщина?!

Меня отпустили в тот же миг. Затем я услышала спокойное:

– Ты была милосердна с лордом Мрано? – Я вздрогнула. – Или, быть может, ты была милосердна с сестрой лорда Илери в крепости Аргат?!

Побледнела.

– Судить всегда проще, не так ли, нежная моя? – Насмешливый вопрос.

Не дожидаясь моего ответа, кесарь развернулся и направился в глубь дворца, спокойный, уверенный, неторопливый. Араэден легко шел по коридорам и переходам, открывая очередные высотой в четыре человеческих роста двери лишь движением руки, и с презрительной усмешкой сжигал оставшихся защитников своим странным пламенем. Глядя на него, я вдруг подумала, что это и есть самая настоящая смерть. В смысле, он – это смерть, а все они – героическая гибель. Одного не могу понять: почему они снова и снова бросались в битву? Неужели светлые настолько безголовы или... Догадка появилась неожиданно, и так же неожиданно остановился кесарь, обернулся ко мне и спросил:

– Или?

В этот миг из прохода, полускрытого серебряными занавесями, метнулось трое сверкающих сквозь дымчатую завесу, что, вероятно, защищала их от все еще бушующего пламени.

Император отмахнулся от них, как от надоедливых мух. Мухами, сначала распластанными по стене, а затем сползающими и оставляющими кровавый след, они и казались...

– Ну же! – сурово напомнил о своем присутствии мой... – Муж. – Усмешка. – Нежная моя, я уловил здравую мысль в твоих рассуждениях, озвучь ее, будь любезна.

Я не стала отмалчиваться, со спокойствием, странным для данной ситуации, ответила кесарю:

– Ощущение, что они пытаются вас задержать.

Это вслух, про себя подумала, что светлые, если они действительно не безголовые, уже знают, с кем имеют дело, и понимают, что шансов на противостояние нет, значит, остается только надежда на спасение, вот эти воины и пытаются сделать ее менее прозрачной.

– Спасение? – задумчиво проговорил Араэден. – Я вариантов не вижу, в Эрадарасе им от меня не укрыться.

Ну, насколько я понимаю, тут помимо светлых есть еще и темные. Вроде так, не зря же среди несостоявшихся убийц имелся один темный.

– Мысль не лишена смысла. – Кесарь вновь посмотрел на дверь перед собой. В следующее мгновение меч из его руки испарился, и пресветлый приказал: – Оставайся здесь!

Возражений у меня не имелось. Пройдя к стеночке, я устроилась на софе, подумав, забралась на нее с ногами. В то же мгновение серебристый ручеек вытек из руки кесаря, заструился по полу, закружил вокруг моего временного пристанища, формируя блестящий полупрозрачный кокон. И едва сие было завершено, грянул гром!

Вздвигнув всем телом, я вскинула голову и поняла, что таки да – дворец придется отстраивать заново... Впрочем, у кесаря, как я заметила, особая любовь к разрушению чужих дворцов, да и своих так же. Так что, когда потолок с рваными краями в местах отрыва взлетел ввысь, я даже не удивилась. Удивилась я скорее, наблюдая за тем, как золотые искры набрасываются на фрагмент дворца и превращают его в столь же яркие искорки... и вот все это золотое искрящееся безобразие начало вдруг растягиваться по небосклону, образуя... купол.

– Кесарь, – вскричала я, приподнимаясь на софе, – исключительно ради удовлетворения любопытства, позвольте спросить – Готмир, случаем, не последствие вашей магии?

Араэден, уже распахивающий двери в стремлении покинуть меня, обернулся, одарил ласковой улыбкой, после которой желание любопытствовать пропало напрочь, и ушел, оставив без ответа. Что ж, мне время подумать не помешает...

Сдержав стон при одной мысли о Динаре, шенге и вообще обо всем Рассветном мире, я развязала пояс, вытащила из него толстую нить, что составляла рисунок, и принялась вязать узелки. Если нет возможности написать и совершенно нельзя думать, остается лишь использовать самые примитивные методы. И я начала: первый узелок – возвращение домой, моя единственная цель на данный момент. Второй узелок – информация для возвращения, она мне как воздух необходима, третий... я расплела. Пока только одна цель, вторая идет как сопутствующая. А ради первой цели мне предстоит играть по правилам кесаря, с одной стороны, и искать информацию самостоятельно – с другой. Потому что Араэден Элларас Ашеро далеко не единственный в этом мире, кто знает способы перемещения в иные, и в этом сомнений нет.

Внезапно послышался гул, нарастающий, от которого сотрясилось все оставшееся здание, а затем громкий птичий крик... Совсем как тот, который я уже слышала при превращении кесарева пламени в птицу, так что сразу стало ясно, кто развлекается. Представляю удивление брата императора, когда тот, от кого столь успешно избавились, вернулся полный сил и магии...

Кокон, оплетающий меня, распался. Взглянув в сторону покоренной двери, увидела кесаря, который молча протягивал мне руку. Да, в этом браке мне все еще приходится подчиняться. Подойдя к кесарю и позволив потащить меня за собой, я все же поинтересовалась:

– Мое предположение оказалось верным?

– Да, – нехотя ответил пресветлый, – они задействовали нижний контур в стремлении переместиться на темные территории.

– Им удалось? – любопытство во мне неубиваемо даже столь трагическими обстоятельствами.

– Вероятно, удавалось раньше, – ядовитая ухмылка на тонких губах, – и, похоже, тем путем неоднократно пользовались, и успешно, но мое перемещение к Радужному дворцу наполнило пути светлой силой, и темная не успела проложить достойный путь. Они все остались здесь, догадливая моя. В тронном зале.

– Последний оплот? – Грустная у меня какая-то вышла ирония.

– Тебе все же их жаль? – насмешливо поинтересовался кесарь. – Или жаль себя?

– А у меня, по-вашему, нет причин жалеть и их, и себя? – возмущенно спросила я.

– Ни единого мгновения. – Остановившись, кесарь без усилий лишил меня ниточки, с теми самыми двумя узелками.

Нитка сгорела в серебряном пламени на его ладони.

– Есть два пути, нежная моя, – глядя в мои глаза, произнес Араэден, – ты придержи-ваешься достигнутой нами договоренности и, в случае успешного выполнения поставленной мною задачи, имеешь шанс на возвращение. И путь номер два – ты пытаешься меня обмануть, и в этом случае я не буду столь милосердным, как в Рассветном мире. Я был услышан?

– Да, мой кесарь, – глухо ответила я.

И поняла страшное...

– Я всегда буду слышать тебя, Кари, на любом расстоянии, – подтвердил мое предположение кесарь.

– Дохлый гоблин! – в сердцах произнесла я.

Торжествующая победная ухмылка была мне неутешительным ответом.

– Вы... вы... – злость душила.

– Нежная моя, неужели столь сложно уяснить – я не проигрываю. Никогда. И прежде чем вновь пытаться противопоставить свой энтузиазм моему опыту, вспомни, к чему это привело в прошлый раз.

Возможность вспоминать мне предоставили в процессе дальнейшего захвата власти.

* * *

Вот так разнося огонь и даря смерть всем, кто не успел встать на колени, мы подошли к сверкающим золотым дверям, которые не пожелали открыться с первого движения кесаря. Император выпустил мою ладонь и ударил серебряным пламенем по неподдающимся дверям. Третья попытка оказалась равна первым двум.

– Наблюдательная моя, хватит комментировать мои действия! – недовольно произнес кесарь.

– Хватит читать мои мысли! – вспыхнула, раздраженная, я.

Кесарь окинул меня недовольным взглядом и вновь повернулся к двери. Для начала он свел ладони... совсем как я, когда формирую... формировала кристалл. И действительно, между напряженными ладонями появился восьмигранный сверкающий алмаз. И вот это... нечто злой на меня Араэден с видимым напряжением толкнул по направлению к дверям...

С жутким грохотом двери смело ударной волной такой силы, что искореженные створки унеслись вместе с частью стены...

И Великий Араэден Элларас Ашеро из рода Архаэров шагнул, видимо, в тронный зал.

Я вошла следом за всемирным злом и непобедимым ужасом и остановилась на входе, оглядывая интерьер. Он интересовал меня больше, чем те, кто уже проиграл битву и сейчас дрожал перед полуобнаженным воином... Их было много – более тысячи: мужчины, женщины,

в столь же странных одеяниях, которыми одарил меня кесарь в день коронации (ну я тогда и на миг не усомнилась в том, откуда жуткий фасон взялся), испуганные дети. Детей и женщин прикрывали собственными телами около полутысячи магов, сверкающих этой их красивой магией... но что-то подсказывало мне, что их попытка защититься лишь рассмешит кесаря... И он действительно расхохотался, чуть откинув голову назад, и этот смех звучал зловещим предзнаменованием грядущих бед...

– Нежная моя, – Великий, продолжая посмеиваться, посмотрел на меня, – твои эпитеты и метафоры прекрасны, но отвлекают от сути моего здесь появления. Иди... посиди в сторонке, вон там, на скамеечке, и... не вмешивайся.

Я осмотрела великолепный зал, потом взглянула в сторону «скамеечки», позолоченной и сапфирами инкрустированной, на которую могла бы залезть, только разбежавшись и запрыгнув, и есть сомнения, что запрыгну. Взгляд от двух тронов метнулся на присутствующих, и я поняла – сейчас тут будет общественный могильник. Судя по настроению кесаря – заживо он всех тут и похоронит, а глядя на бледные лица светлых, стало понятно, что и они это осознают... даже дети.

– Кесарь, – прошептала вдруг я, – знаю, что жалость не то качество, которое вам хотелось бы во мне видеть, но... может... воспитательной беседой ограничитесь?

Великий тяжело вздохнул, протянул руку, и меня смело ветром на ту самую «скамеечку», которая, как я поняла, была тронем, для супруги императора предназначенным.

И началось. Вперед выступил высокий, удивительно прекрасный светлый, у которого глаза были словно два аметиста... Он начал что-то говорить, но... он боялся, даже я это видела. Он и вся его маленькая армия трепетали перед единственным кесарем... Я их понимаю, самой страшно.

– Исаи элли тенра, Араэден! – вдруг резко, с надрывом в голосе, воскликнул этот светлый.

А в ответ – ласковая, вызывающая, оказывается, не только у меня приступ паники улыбка кесаря.

И означала она лишь одно – пощады не будет.

Император не произнес ни слова, он протянул руку, и испуганные дети светлых взмыли под потолок... Все, разом, вырванные из рук пытающихся удержать их женщин... Мне хотелось закрыть глаза и уши, чтобы не видеть отчаяния светлых и не слышать криков детей и матерей...

О Великий Белый дух, только бы все они остались живы! В смысле – кесарь, пожалуйста... ста...

Но император, не реагируя на мои мольбы, продолжал молчать и ласково улыбаться... Он просто молчал, уверенный в своей силе, власти и праве казнить и миловать, и не сводил взгляда... да с брата, наверное. И улыбка из ласковой стала почти издевательской. Мне в этот миг вдруг вспомнился рассказ Мейлины о том, как они нашли кесаря, который на тот момент был искалеченным полутрупом. И, глядя на Араэдена, на один-единственный краткий миг я представила, каково это – смотреть в глаза своему убийце? Пусть несостоявшемуся, но приложившему к тому все усилия, безжалостно калеча жертву.

Араэден искоса взглянул на меня, усмехнулся, едва скривив губы.

Интересно, а сколько часов или даже дней они его убивали? Страшный вопрос, да. Не хотелось бы мне пережить подобное, а кесарь пережил. И выжил. И вернулся. И вот час расплаты...

Что ж, если рассматривать в подобном контексте, то император еще милостив... даже не представляю, как бы я поступила в такой ситуации.

Еще одна едва заметная усмешка кесаря, и его взгляд вновь направлен на брата. Пристальный взгляд возмездия...

И тот светлый, с фиолетовыми глазами, первым встал на колени.

Я видела, как тяжело дался ему этот жест подчинения, словно стоял на ногах один светлый, а опустился на колени уже совершенно другой, абсолютно сломленный... И все воины, уронив оружие, встали на колени... и женщины... униженно моля о пощаде.

Если их политический строй основан на превалировании чести и достоинства над жизнью, то сейчас кесарь поступил хуже, чем если бы убил, а эти светлые явно предпочли бы смерть... если бы не дети.

И вот тогда Великий Араэден начал говорить... Речь его была столь же красива, как и руны, и соответственно настолько же мне непонятна. Не знаю, что именно он вещал, но создавалось ощущение, что стены дворца разносят его голос, и я была уверена, что все те, кто находится за стенами Радужного творения архитектуры, так же слышат речь своего правителя.

Интересно, как они отнесутся к тому, что он вернулся?

С того света практически, спустя почти год по местному времени, совершив невероятное, по сути. Вернулся.

А затем медленно, мучительно медленно кесарь опустил рыдающих от страха детей... И, едва те оказались на полу, над каждым из малюток вспыхнула руна. Яркая, сверкнувшая багровым светом руна. Матери замерли, побледнев... Мне же вспомнились слова кесаря про заложников, и я догадалась, что означали эти руны.

Соппротивление было подавлено – светлые покорились. Опущенные головы, поникшие плечи, отчаяние и осознание поражения... Как страшно. И как мне близки и понятны их чувства – сама в том же положении.

– Ты не права, – вдруг прозвучал голос кесаря.

– Права, – прошептала я, зная, что он все равно услышит, не слова, так мысли.

Хотя, если подойти к этому с другой стороны... Подумаю об этом завтра. Или послезавтра, или вообще при первом удобном случае. Упиваться собственным поражением точно не планирую.

И уже несколько отрешенно я наблюдала за унижением светлых, которые едва не рыдали от отчаяния... Да рыдали они, хоть и не было видно слез, но они оплакивали свободу, счастье, существование без кесаря... Бедные светлые.

– Нежная моя! – и вроде сказано тихо, а до костей пробирает.

Я постаралась больше не думать о светлых. Не думать о том, как они поднялись с колен, безвольными куклами двинулись к выходу. Жуткое зрелище. Час расплаты в своем истинном и всеобъемлющем значении.

И когда они ушли, мы остались одни в этом огромном, сверкающем золотой росписью рун и блеском натертых полов зале – я, сидящая на высоком троне, и полуобнаженный, пристально вззирающий на меня кесарь.

– Что с ними будет? – тихо спросила я. И почему-то сочла нужным пояснить: – Не с вашими убийцами, тут мне все ясно, а с подданными?

– Тебе решать, жалостливая моя. – Кесарь протянул руку, и теплый ветер обвил меня, приподнял, осторожно опустил на пол.

Едва встав на ноги, я поняла, как сильно устала – меня в буквальном смысле шатало, а еще очень хотелось порыдать в одиночестве. Казалось, совсем недавно я стояла на смотровой башне и, глядя на Праер, составляла план действий... и вот все повторяется снова, только работы сейчас в сотни раз больше, а задача в десятки раз сложнее при крайне ограниченном сроке.

– Срок ты назвала сама. – Жестокое напоминание.

– Я подумаю об этом завтра, – не узнала свой голос. – Обо всем об этом.

– А сегодня? – Насмешливый вопрос.

Молча посмотрела в жестокие, чуть сверкающие странные глаза императора теперь уже снова Эрадараса и не выдержала:

– А сегодня меня с утра желали принудить к разделению ложа...
– Исполнению супружеских обязанностей, – с улыбкой поправил кесарь.
– Затем попытались придушить! – срываюсь на крик.
– Напомнили о супружеской верности. – Усмешка забавляющегося ситуацией пресветлого.

Я прекратила возмущаться, все равно бесполезно, и решила утолить любопытство:

– Интересно, а каким боком мое жертвоприношение относится к собственно нашему весьма странному супружеству? Мне просто крайне интересно, как вы сейчас интерпретируете попытку убийства супруги.

Великий Араэден медленно подошел ко мне, склонился и с яростью, неожиданной для его бессмертия, вдруг спросил:

– Нежная моя, разве я пытался тебя убить? – Лицо его исказилось судорогой, и кесарь прошипел: – Я сделал все, чтобы исключить твоё участие в ритуале. Абсолютно все. А ты убила себя, предпочтя сохранить жизнь жалкому рыжему полуорку, недостойному целовать землю, хранящую твои следы.

Вообще-то по праву рождения мы с Динаром абсолютно равны. Впрочем, я не собиралась продолжать данный спор – бессмысленно.

– Захват власти завершен? – спокойно осведомилась я.

Но кесарь не ответил, продолжая молча смотреть на меня.

– Я устала, – пояснила для непонятливых. – День, знаете ли, вышел насыщенным.

И снова тишина. Или издевается, или не знает, кого бы поубивать еще, вот и делает вид, что рассуждает о вечном...

– Не угадала, – насмешливый ответ.

Как и всегда.

Послышались быстрые шаги. В следующее мгновение в опустевший зал вступили семеро светлых в ярких сверкающих латах. Они вошли едва ли не строем и почти сразу опустились на одно колено и даже склонили головы, но глаза – радостные, сверкающие, а лица такие восторженно-одухотворенные. Короче, сразу ясно – сторонники. Неужели у его бессмертия даже есть сторонники? Кесарь бросил на меня очередной чуть насмешливый взгляд и повернулся к прибывшим.

Непонятная мне краткая речь, а после...

– Кари Онеиро асагер нваэле, – произнес он, и все семеро внимательно на меня посмотрели.

А я в мятой юбке, рваной рубашке, и волосы после всего случившегося явно мечтают о расческе. Нет сомнений, что меня только что представили сторонникам возвращенного правящего режима, сомнения есть только в адекватности кесаря, но это мелочи.

Далее прозвучали отрывистые команды, после чего серебристая семерка поднялась и разом выдала:

– Каэ, Араэден!

И покинули тронный зал, видимо, спеша исполнить поручения.

А кесарь опять застыл, задумчиво глядя в никуда.

– Не то чтобы я от любопытства места себе не находила, но все же... А сейчас чего опять стоим? – не выдержала я.

Кесарь вскинул руку с поднятым вверх указательным пальцем, видимо призывая к молчанию. Молчу. Разглядываю великолепнейшее строение, восторгаюсь перламутровыми колоннами, золотыми изразцами, туманного оттенка сверкающими занавесями и молчу. И в то же время просто понять не могу – пришел, увидел, победил – и все? То есть уничтожил противников, одарил руной сопротивляющихся, вызвал сторонников, так? Дальше что? Нет, я не спорю, в период родоплеменных государственных образований и в моем мире подобные захваты вла-

сти осуществлялись. То есть с утра правит один вождь, к обеду примчался с дружиной второй, первого и его дружинников убил, власть захватил, женщинами попользовался, напился. Ночью прискакал третий, совершил все то же самое, что второй, но без пьянки, благодаря чему продержался дольше, чем первые два. Опять не повезло женщинам. Максимум спустя еще пару лет прискакал четвертый, с дружиной, да. Женщинам не повезло снова. Зато при таких порядках население Рассветного мира росло стремительно, по крайней мере, за две сотни лет были заселены огромные и ранее не обитаемые территории. Но мы же не в историческом прошлом! С другой стороны, учитывая темпераментность кесаря – не повезет опять женщинам.

Кесарь медленно обернулся, смерил меня мрачным взглядом.

– Но я же молчу! – возмущенно сказала я.

Послышался стук каблучков. Быстрый, стремительный, звонкий. В следующее мгновение в зал вбежала светлая. Очень красивая, но эдакой злой красотой, а еще очень походила на кесаря... Не могу сказать насчет возраста, но, похоже, мать. И она бросилась к сыну, обняла его и, кажется, едва не плакала. А кесарь гладил по спине, что-то успокаивающе говорил и, видно было, переживал. Очень переживал, а теперь просто рад, что она жива.

– Араэден, акаи дьэре наверсе? – прошептала светлая, указав на меня.

– Каэ наахаре Эссалоне Кари Онеиро, – с нотками гордости произнес император.

Гордости?! Меня вдруг очень напряг этот момент.

– Почему же? – полуобернувшись ко мне, поинтересовался кесарь.

– Мне и самой хотелось бы это знать, – медленно ответила я.

И тут светлая потрясенно переспросила:

– Кари Онеиро?!

О переводе этого выражения кесарь мне уже говорил – «Черная звезда», и, похоже, это действительно язык его мира. Непонятно другое – что так изумило его мать? Имя нераспространенное или...?

– Или, – чуть насмешливо ответил император. – Так ты желаешь отдохнуть, уставшая моя?

Вспыхнул портал, матушка кесаря, радостная и довольная, покинула нас, одарив меня на прощание очень внимательным взглядом.

О Великий Белый дух, что происходит?

– Возможно, я снизойду до объяснений позже, – с усмешкой уведомил супруг.

– Я не к вам обращалась. – Сязвила, да, но точно себя не осуждаю.

Я себя вообще редко осуждаю, а в данной ситуации еще и оправдываю. И потому с вызовом посмотрела на его бессмертие, с кривой усмешкой взиравшего на меня.

– Да, я устала и хочу спать, – мрачно напомнила ему.

Для меня услужливо открыли портал перехода. Не глядя на кесаря, шагнула и оказалась... Маленькое темное помещение, зарешеченное окошко под потолком, деревянная глухая дверь без ручки, узкая деревянная лавка, даже не кровать. Тюрьма, в общем!

Оглядев внимательнее этот кошмар, резко выдохнула и прошипела:

– Больше язвить не буду!

– Знаю, – прозвучал насмешливый голос.

А чтоб вас гоблины сожрали!

На узкой деревянной скамейке само собой появилось и расстелилось покрывало. Кажется, меня принялись дрессировать.

– Это предосторожность, недогадливая моя, – мрачный голос с глухим недовольством. – В данный момент тюремная камера наиболее безопасное место для тебя. Ложись спать.

Я осталась стоять, раздумывая над происходящим. Похоже, кесарь, как и я, понимал, что захвата одного дворца для обретения власти вовсе и не достаточно. Значит, сейчас будет

второй этап борьбы за власть. Занимательно. И с одной стороны, я дико устала, с другой... с другой – вряд ли мне еще представится шанс присутствовать при подобном.

– Я не хочу спать, – устало сообщила пространству.

Появился переход.

Портал перехода в этом мире отличался от Рассветного и сверканием кромки, и подобием граней внутри. Казалось, шагнешь прямо – попадешь в нужном направлении, а если решишься ступить в сторону – унесешься неизвестно куда.

– В грани, – произнес кесарь, к которому меня перенесло.

Он стоял один на холме, все так же полуобнаженный, с распущенными волосами, которые трепал усиливающийся ветер. Я встала рядом с властителем Эрадараса, проследив за взглядом кесаря, обнаружила, что смотрит он на Радужный дворец, который без крыши казался не таким уж и радужным.

– Пожелания, предложения, идеи? – спросил император, продолжая издали созерцать им же разрушенное строение.

Видимо, вторыми в этапе захвата власти стояли ремонтно-восстановительные работы. Оригинальный подход.

– Критика моих действий неприемлема, нежная моя, – ласковый голос.

– Кто критикует? – отгоняя видение тюремной камеры, вежливо любопытствовала я. – Так, значит, дворец...

Оглядывая строение, я поинтересовалась:

– А что планируете оставить?

Дворцовый комплекс заметно пострадал с того момента, как я взглянула на него впервые, и дело не только в сорванной крыше – пламя оставило следы на стенах, выбитые окна зияли пустотой... как пустые глазницы. Жутковатое зрелище... Но что странно, именно сейчас на фоне покореженных зданий гармонично смотрелась одинокая, совершенно не вписывающаяся в комплекс башня с черной крышей, выстроенная из серого камня.

– Она останется, – что-то странное прозвучало в голосе кесаря.

Невольно посмотрела на Араэдена – глаза все так же устремлены вдаль, губы сжаты, на скулах изображают танец ярости желваки... Взгляд на меня – лицо мгновенно утратило эмоциональность, вновь приняв характерное для его бессмертия выражение отстраненности.

– То есть башня вам дорога как память? – догадалась я. Он не ответил, я решила предположить: – Или это напоминание о чем-то... мм-м... болезненном?

Кесарь повернулся ко мне с ласковой улыбкой на губах. Очень ласковой... По спине прошелся озноб, руки дрогнули. Все ясно – тема башни не подлежит обсуждению, и я уделила все свое внимание архитектурному ансамблю не первой свежести.

– Итак, – начала я, – крепостная стена будет, или вы, как и в Праере, планируете обойтись без нее?

– Без.

Странное дело – кесарь вновь стал немногословным.

– Нежная моя.

Я вообще молчу. Хотя:

– У вас на Эрадарас какие планы? – спросила я, отбрасывая эмоции и думая о том, какие королевские дворцы мне приходилось видеть. – В смысле, какое послание государству следует вложить в будущее строение?

Дворцов я видела немало, и самое главное – видеть доводилось то, что хотели показать. Так королевский дворец в Ирани являлся данью историческому прошлому – фасад дворца был создан еще до появления Прайды и нес в себе символику объединения гильдий, единство, равенство. В Хорнии все было иначе – величественный, видимый еще за сутки пути огром-

ный дворец возвышался над столицей, внушая всем уважение и преклонение перед властью и могуществом правителей из рода Келларов.

– Мне нравится эта идея, – задумчиво произнес император.

Не удивлена, с другой стороны, в Хорнии почитают жрецов Илгара, а это культ скромных скитальцев, посвятивших жизнь служению Единому, в Оитлоне же государственная религия в преклонении Матери Прародительнице, и вот как раз храмы богини отличаются и внушительностью и величием... Только сейчас задумалась о том, что в каждом государстве Рассветного мира внушительностью отличался либо культ власти, либо культ бога. Одно из... и никогда вместе.

– Кстати, а у вас боги есть? – поинтересовалась я.

– Будут. – Станный ответ.

Зевнув, еще раз посмотрела на дворец. Задумчиво начала вносить предложения:

– Если без крепостной стены... Тогда можно дворцовый комплекс в виде вашего венца всевластия... – Ловлю на себе удивленный взгляд. Понимаю, что идею не поняли. – Мм-м, смотрите, основное здание, от него каскадом на уменьшение остальные. Ярко, внушительно, величественно. Внутри округлого комплекса сад... Перед основным зданием – озеро.

– Основное здание в форме кристалла? – словно не ко мне обращаясь, спросил кесарь.

– Зачем? – в свою очередь спросила я. – Просто здания каскадом, внушительно будет смотреться.

– Нет.

Очаровательно просто. Я вернулась к рассмотрению руин.

– Гарантирую сад, – вдруг произнес кесарь. – Такой, как ты хотела.

Серьезно? Я недоверчиво взглянула на императора, Араэден не отреагировал.

– Так, первое, возвеличим территорию. – Кесарь протянул руку.

С тонких пальцев его бессмертия сорвалось серебристо-золотое сияние, лучами устремилось по направлению к руинам дворца, и земля дрогнула. Задрожала основательнее, в следующее мгновение участок радиусом примерно в две тысячи шагов начал стремительно рваться к небу... Теперь от дворца действительно остались руины. И пока гора с плоской вершиной поднималась к солнцам, одновременно выстраивалось два пути, лестница – широкая и прямая, ведущая снизу доверху и сужающаяся к вершине, и узкая дорога, опоясывающая гору по спирали и раскалывающая лестницу на фрагменты. Деталей я не видела, но, учитывая, что на обоих путях засверкали огоньки, строились они сразу с фонариками. Издали было удивительно красиво.

– Озеро не забудьте, – попросила я.

Кесарь задумался, затем кивнул и произнес:

– Прекрасная идея. Населю плотоядными рыбами, будет куда трупы выбрасывать.

И видеть озеро мне расхотелось. На тонких губах императора мелькнула едва заметная усмешка, но спросил он о другом:

– Пожелания в отношении спальни?

– На ваше усмотрение, – ответила я, подумав, что спальня не то место, в отношении которого я буду привередничать, а вот что касается моего личного кабинета...

– У тебя будет отдельное личное крыло дворца, нежная моя, – сообщил Араэден.

Первая приятная новость за сегодня.

– Что тебя так обрадовало? – отрешенно спросил кесарь, приступив к построению дворца.

Я не ответила и постаралась не думать о том, что не видеть кесаря – уже приятная новость, так что да, отдельное крыло меня бесконечно радует.

– Ты не поняла, – на месте дворца появилось странное облако, в нем тысячи световых золотых и серебряных линий, беснуясь, пересекались друг с другом, словно рисуя каркас зда-

ния, – ты будешь руководить административной частью империи, в моем ведении остается военная.

«Да как скажете», – раздраженно подумала я, заинтересованно вглядываясь в творимое волшебство.

Кесарь не ответил. Видимо, был занят, но мне не понравилось странное выражение на его лице. Совсем не понравилось. Как, впрочем, и еще один момент:

– В качестве кого я была представлена вашим сторонникам?

Тишина в ответ, и лишь кривая усмешка. Ясно – спрашивать бесполезно. Я и не стала.

В молчании смотрела на все увеличивающийся световой поток, на переплетение линий, на опускающиеся с неба золотые искорки, мерцающим облаком покрывающие зарождающийся дворец. А затем вспышка света, и облако начало таять, открывая взору потрясающий величием и красотой дворцовый комплекс. Сейчас, после подъема территорий, мы смотрели на архитектурное строение снизу вверх, и сверкающая, уходящая ввысь лестница казалась неотъемлемой частью императорской резиденции, словно подчеркивая белоснежный храм власти с ярко-золотой крышей, своим блеском слепившей глаза.

– С этим завершили, – произнес кесарь и, скрестив руки на груди, осмотрел творение рук своих. – Нравится?

– Критика ваших действий неприемлема, – ехидно напомнила я.

Супруг искоса взглянул, улыбнулся и поинтересовался:

– Запомнила?

Молча кивнула.

– Теперь усвой.

Мрачно посмотрела на императора, тот ответил насмешливым взглядом с высоты своего роста. А я вдруг подумала – вот если бы его сожрали гоблины и бессмертие не спасло бы...

– Нежная моя, до сего дня я был достаточно терпелив с тобой, не заставляй сожалеть об этом.

От тона кесаревского голоса стало не по себе, хотя по себе мне не было с момента прибытия в данный в высшей степени странный мир, так что...

– Мой кесарь, – протянула я, прекратив взирать на супруга и теперь изучая взглядом дворец, – так, исключительно в качестве намека на ситуацию – до сего дня у вас в любом споре в качестве неоспоримого аргумента была угроза благополучию Оитлона... – Я сделала паузу и уточнила: – Была. Так что, по сути... – Я развернулась, взглянула в сверкающие глаза и добавила: – Плевать я хотела на ваши угрозы.

Аразден Элларас Ашеро странно улыбнулся, но промолчал.

– Сказать нечего? – догадалась я и ласково улыбнулась кесарю его же улыбкой. Разве что не только с угрозой, но еще и нагло, так, как умел только рыжий. И вот после этого все так же нагло добавила: – Видите ли, ваше бессмертие, я вам нужна.

Он продолжал молчать, я же продолжила наглеть:

– Сомневаюсь, что вы убьете меня, раз уж изначально готовили в правительницы вашей в высшей степени странной империи, не так ли?

Кесарь все так же молча смотрел на меня, только улыбка становилась все шире. И это начинало пугать. Впрочем, не факт, что ему было еще чем испугать меня после всего увиденного, а потому продолжила наглеть дальше:

– Так что, если вы желаете полноценных партнерских отношений и ответственной работы от меня по восстановлению вашего государства, забудьте про угрозы.

Легкий, почти издевательский кивок, но вместо ожидаемых возражений, предупреждений, ну, или хоть чего-то я услышала:

– Катриона, нежная моя, твоя наглость неприемлема.

Император Араэден протянул ладонь, коснулся моей щеки, провел большим пальцем по линии подбородка и добавил:

– Возможно, в дальнейшем в интимно-приватной обстановке, в рамках постельных удовольствий, я позволю тебе раскрыть и эту грань твоего характера, но не сейчас.

Дернула головой, избавляясь от его прикосновений, и тут до меня дошло.

– Что вы сейчас сказали? – изумленно переспросила. – В какой приватной обстановке? О каком привате речь?! Какие удовольствия?!

В ответ кривая ухмылка и вопрос:

– Страшно?

Резко отвернулась к дворцу, сложила руки на груди, мрачно ответила:

– Ясно, все поняла, постараюсь сдерживаться в вашем присутствии.

Кесарь усмехнулся и тоже посмотрел на дворец.

Некоторое время мы стояли молча на холме, ветер развеивал мои волосы и порванную рубашку, чувство потерянности и дикого одиночества накатывало снова и снова, как волны... Но желания бежать прочь не возникало – мне было безумно интересно понаблюдать за тем, что будет дальше, да и ситуация с восстановлением империи интриговала.

– Голодна? – спросил кесарь.

– Вряд ли я сейчас смогу есть, – отозвалась, задумчиво разглядывая дворцовый комплекс.

Перед нами открылся портал.

Глядя на его сверкающие грани, я вдруг поняла одну странную вещь – сейчас кесарь их открывал легко, а едва мы появились в его мире, использовал не портал, а дорогу и камни, перенесшие нас...

– Это – эхао, грани света, не порталы, – снизошел до объяснения Араэден. – Принцип действия кардинально отличается от того, о чем рассказывал тебе вождь Джашг. Эхао не раздвигают пространство, они преломляют свет, и, вступив в него, ты становишься светом, световым же лучом переносишься в избранное место.

Удивленно посмотрела на кесаря, тот, не глядя на меня, продолжил:

– Все потоки света контролирует властелин Эрадараса, именно поэтому мы не могли воспользоваться эхао, едва появились.

– А сейчас можем? – уточнила я.

– Да, – абсолютно спокойный ответ, – я подчинил потоки, едва использовал Радужные камни, и теперь абсолютно все перемещения в Эрадарасе контролирую я.

Теперь понятно, почему сторонники свергнутого брата кесаря разбежались, а не покинули дворец, используя магию...

– Именно, – подтвердил император.

Да, я действительно мало что могу понять в магии светлых, но вот с интригами вроде дело обстоит лучше.

– А куда вы отправили ваших сторонников? – задала я очередной вопрос.

Кесарь повернулся ко мне, улыбнулся и спросил:

– Есть предположения?

Хм, интересно. С одной стороны, мне пока непонятны принципы их магии и вообще государственного устройства, с другой... семь сторонников с возможностью свободно перемещаться по империи, в то время как противники ныне устанавливающегося правящего режима такой возможности лишены... И куда я бы их отправила, будь я на месте кесаря?!

– Захват власти в армии?

– Совершенно верно. – Мне приятно было видеть одобрение в его взгляде.

– Уничтожите верхушку армейского состава? – поинтересовалась я.

Кесарь молча протянул руку, вложила свою ладонь, и сильные пальцы ее мгновенно сжали, не больно, но очень крепко. Вместе мы шагнули в портал.

Свет окружил, стремительно унося за собой, и вскоре под ногами был отполированный мраморный пол, а перед нами строй перепуганных... человеческих девушек! Тоненьких, удивительно красивых, светлоглазых и светловолосых. Изумленно посмотрела на кесаря.

– Рабыни, – последовал краткий ответ.

И отпустив мою ладонь, Великий император что-то произнес на своем певучем языке. Произнес жестко и повелительно, явно отдал какой-то приказ. Только сейчас заметила его матушку, сидящую в высоком кресле у окна. За окном, кстати, простирался морской пейзаж, то есть мы сейчас вообще неизвестно где оказались, но явно не вблизи дворца.

– Нежная моя, – потребовал внимания кесарь, – ты должна выглядеть достойно.

Оторвавшись от созерцания бескрайнего водного простора, посмотрела на его бессмертие и задала резонный вопрос:

– Зачем?

– Ответ очевиден, – произнес Великий император Араэден и покинул помещение.

Я вновь повернулась к окну – определенно, с этим морем было что-то не так, но я все не могла понять, что именно. Легкий оттенок фиолетового? Ну, в этом мире и горы странные, так что... И тут среди сине-фиолетового гребня далекой волны мелькнуло тонкое красное нечто... всплыло на мгновение и снова ушло в глубину...

От окна я отпрянула, чуть не сбив неслышно подошедших рабынь.

– Что за... червь? – скорее прошептала, чем проговорила, и, обернувшись, увидела недоуменные взоры.

Меня здесь не понимали. Никто не понимал... кроме кесаря. Жестоко оказаться фактически немой, при условии, что именно риторика извечно была моим козырем. Мне нужно выучить их язык в ближайшее время. Это необходимо.

– Кари Онеиро, – вдруг произнесла мать императора, поднимаясь с кресла, – аэ керра тама э?

Я взглянула на нее и молча развела руками, демонстрируя, что не поняла ни слова. Светлая улыбнулась, от чего ее клыки сверкнули в ярком свете этого просторного помещения с девятью окнами, но улыбка все равно была... доброй. Не казалась – была. Женщина, стоящая передо мной, явно являлась исчадьем преисподней, ее злобный характер читался в чертах лица, а снобизм сквозил в горделивой осанке, в каждом величественном жесте, но... но на меня она смотрела с доброй улыбкой, без чувства превосходства, без презрения, без настороженной ненависти. А теперь вопрос: если люди здесь рабы, почему мать кесаря воспринимает меня как равную?

Светлая подошла, протянула ладонь, коснулась моего лица и ласково погладила по щеке:

– Кари-амэ, та э наре?

Естественно, я снова ничего не поняла. Эллара рассмеялась, и ее смех прозвучал звонкими колокольчиками, и приказала жестким, злым, полным презрения голосом:

– Эт дарех!

Приказ был адресован не мне – перепуганные человеческие девушки мгновенно засуетились. Три покинули помещение, выйдя не через высокие двустворчатые двери, а используя едва приметные узкие, ведущие в темный коридор, двое бесшумно шагнули ко мне, и их быстрые тонкие пальцы, едва ощутимо, словно крылья мотыльков, принялись расстегивать пуговицы, развязывать пояс. С некоторым изумлением посмотрела на светлую – мать кесаря зорко следила не за мной – за рабынями, не смеющими глаз поднять. И эти запуганные, отчаянно старающиеся быть незаметными девушки столь разительно отличались даже от вышколенной прислуги в королевском дворце Ирани. Не более минуты – и на оставшейся обнаженной мне был застегнут легкий белоснежный халат. И все это девушки проделали, даже не коснувшись меня фактически. Как можно было добиться такого уровня мастерства? Очередной вопрос.

Но хватило одного взгляда на матушку кесаря, чтобы стало понятно очевидное – за ошибки девушки платили кровью, и сильно подозреваю, что ждала их не порка.

Рабыни отступили, поклонились, и наиболее взрослая указала куда-то, видимо, прося следовать за ней. Я последовала – за поворотом отделяющей от основного помещения белой стены меня ждала ниша с бассейном в форме лилии, в центральном лепестке которой располагалось сиденье. Рабыни продолжали порхать вокруг меня – иначе не скажешь. Вообще, как принцесса и наследница Оитлона я, естественно, неоднократно принимала ванну с помощью прислуги, но будем откровенны – ничего приятного в этом не было. Смушение мне все же не чуждо, а тут практически чужие люди, вымыть голову я всегда была способна и сама, как и волосы расчесать наименее болезненно, чем это делали служанки, – неудивительно, что в итоге я предпочитала купаться всегда сама.

Здесь все было иначе.

Я в принципе не ощущала прикосновений рабынь, ни одна даже не подняла на меня взгляда. Они были бесшумны и аккуратны.

Меня подвели к краю бассейна, устроили в соответствующей нише и занялись наведением моей красоты. Не отпускало ощущение, что по мне порхают бабочки, а вовсе не руки человеческих девушек. Мне вымыли, высушили и расчесали волосы, не дернув ни волоска, не вызвав даже малейших болезненных ощущений. К концу процедуры я невольно подумала о том, что жизнь местных аристократов – довольно приятная штука.

Я ошиблась.

Вернувшись из ванной, я увидела ожидающих меня рабынь с одеждой на вытянутых руках. Одежда соответствовала пыточным нарядам моей коронации в Прайде! Проклятые гоблины, мне придется это носить?!

* * *

Дверь открылась, являя светлый лик кесаря, когда мне заплетали волосы, дабы поместить их под полупрозрачный покров, долженствующий удерживаться золотым обручем. Платьев на мне было три: нижнее – мягкое, ласкающее кожу, легкое, белоснежное; среднее – перламутровая броня из ткани, затянувшая хуже корсета, сковывающая движения и вынуждающая держать истинно королевскую осанку, и верхнее – тончайшая дымчатая паутинка, расшитая серебряной нитью, что изображала какие-то руны. Изумительно красиво, должна признать, но катастрофически неудобно. И вот теперь мне заплетали волосы, столь туго, что казалось, кожа натянулась, а глаза заузились, но, видимо, так и следовало – чтобы ни одна волосинка не выбилась.

К слову, кесарь также соизволил приодеться – белоснежная рубашка с воротником-стойкой, на отогнутых уголках серебрились те же руны, что украшали мое верхнее платье, серебристые, зауженные книзу брюки, с тонким серебристым ремешком, распущенные волосы. И венец Всевластия, поразительно точно копирующий тот, что кесарь надевал на торжественные мероприятия, типа нашей свадьбы и коронации в Рассветном мире.

– Знаешь, что меня искренне изумляет? – спросил его бессмертие, оценивающе скользя взглядом по моему наряду.

– Вы скажете, – резонно заметила я.

Улыбка скользнула по тонким губам, и император ответил:

– Ты очень верно подметила идентичность вязи рун, что украшают твое и мое одеяния. Это руна власти, нежная моя.

Подняв руку, присмотрелась к изображению, и не удержалась:

– Кесарь, я могу понять наличие сего атрибута, указующего на власть, на вашей одежде, однако меня откровенно удивляет роспись моего платья. Атрибут власти на уродливой чело-

вечке, чей путь без вашего покровительства составил бы карьеру от шлюхи до свинарки? – Мне было приятно вернуть ему его же слова.

Его льдистые глаза сверкнули, на губах, определенно в качестве предупреждения, появилась ласковая улыбка.

– Я это к тому, что меня лично в высшей степени не радует подобный наряд.

– Привыкнешь, нежная моя, – усмехнулся он.

В этот момент рабыни завершили плетение, и мне на голову был водружен для начала покров, а следом удерживающий его обруч. Пресветлая мать кесаря тут же поднялась из кресла, хлопнула, и передо мной заискрилось возникшее зеркало.

Что сказать... Изображение в нем было идеально прекрасным – шикарный величественный кесарь, идеальная затянута я. Льдистые кристаллические его глаза, абсолютно черные мои. Его мрачно-торжественное лицо, сильно мрачное и раздосадованное мое.

Мы смотрелись парой.

Именно парой – император и его... императрица.

– Любопытное предположение, – иронично произнес кесарь.

Я искоса взглянула на него, после вновь в зеркало. Неожиданно поняла, что мне тяжело дышать, то есть дышать я начала глубоко и напряженно, старательно пытаюсь взять под контроль и злость, и оправданный гнев.

– Мне бы очень хотелось знать, ваше пресветлое величество, – слова давались с трудом, – как именно я была представлена вашим сторонникам?!

Кесарь усмехнулся. Наглости, промелькнувшей в его ухмылке, мог бы позавидовать и рыжий, если бы был здесь...

Великий Араэден Элларас Ашеро никак не отреагировал на мои крамольные мысли. Мне величественно была подана рука, я мрачно положила свою похолодевшую ладонь сверху, понимая, что другого выхода у меня нет.

– Именно так, нежная моя, – насмешливо подтвердил кесарь.

И шагнул в зеркальную гладь, расступившуюся перед ним словно ртуть, а я шагнула следом.

* * *

И величественная тишина замка на краю таинственно-пугающего северного моря сменилась шумом сражения, криками боли, стонами умирающих и убийственным запахом крови и страха. В первый миг, ослепленная солнечным светом, я зажмурилась, но затем открыла глаза и увидела белоснежную крепость, встроенную в бело-голубую мраморную стену, тянущуюся по берегу широкой темно-синей реки, что текла от края и до края, теряясь в горизонте. Крепость, в которую мы перенеслись, являлась главной, то есть превышающей и размером, и высотой остальные крепости, виднеющиеся в ленте крепостной стены. Отсюда казалось, что там, в других более маленьких крепостях, все тихо, мирно и спокойно... Здесь же царила смерть. Прекратив созерцать окрестности, я оглядела крепость, испуганно затихающую с момента нашего появления.

Повсюду было красное. Кровь, трупы, валяющиеся изломанными куклами... И в основном неестественно и жутко лежали воины в красном, потому, вероятно, и складывалось впечатление, что повсюду кровь.

В общем и целом, войска пресветлых отличались ярким цветовым оформлением – все офицеры в белом, без головных уборов и в белоснежных плащах, которые сейчас безжалостно трепал ветер. Оглядевшись, я насчитала более сотни белоснежных. Так же мало было воинов в бело-голубом, на них были надеты сверкающие шлемы, закрывавшие лицо, и бело-голубые кольчуги. Далее следовали воины в голубом – судя по тем, кто находился возле нас, это были

сплошь светлые, затем шло на увеличение – лучники в серебристо-сером, мечники в синем, странный род войск в зеленом и... много, много, много – около пяти тысяч, не меньше, воинов в красно-коричневых тканевых куртках, такого же цвета штанах и сапогах. На них не было кольчуг, легкий кожаный шлем едва прикрывал голову, из вооружения мечи, секиры и арбалеты. Видимо, пехота – наиболее многочисленная и наименее ценимая часть войск. Они, эти в красно-коричневом, были ниже и коренастее светлых, и это были... люди. Люди. И среди убитых в центре этой громадной крепости преобладали именно люди. Как могучие бородатые пехотинцы, так и стройные, изящные арбалетчицы, которые, похоже, все являлись человеческими девушками! Тоненькие, юные, хрупкие – именно они казались сломанными куклами в красном... в красной крови.

– Кажется, вы говорили, что люди здесь только рабы, – холодно произнесла я.

Кесарь не удостоил меня и взглядом, он стоял молча, выражая силу, угрозу и незыблемость власти.

Он просто стоял.

Молча.

Но повторилось то, что мне уже довелось видеть, – светлые, один за другим, начали медленно опускаться на колени. Люди последовали их примеру, но, опустившись на колени, согнулись, касаясь лбом и раскрытыми ладонями изгвазданного окровавленного камня. И не прошло двух минут, как все заполнившие площадь воины в позе абсолютной покорности выражали готовность следовать воле нового правителя... или старого, тут как посмотреть. Остались стоять лишь воины в серо-серебристом, издали похожие из-за островерхих шлемов на сверкающие наконечники копий. Я так понимаю, сторонники кесаря.

Пресветлый сжал мою руку, которую продолжал удерживать в своей ладони, и заговорил.

Речь его была возвышенна, определенно усилена магией и проникновенна. Даже те офицеры, что, опустившись на колени, продолжали держать подбородки гордо вскинутыми, медленно опустили головы, то ли от стыда, то ли от страха, то ли от всего вместе. Я не понимала ни слова из речи Великого Араэдена, но что-то подсказывало мне – там не прозвучало ни одного обещания сладкой жизни. Кесарь не давал обещаний, кесарь ничего не требовал, судя по ласковой улыбке, блуждавшей на его тонких губах, он выдвинул ультиматум. Что-то вроде «Кто не со мной, тот против меня». А может: «Подчинись или умри». Но скорее всего это было старое и доброе: «Я вождь. Выносливый вождь. Очень выносливый вождь... Готовьтесь!»

– Ты невыносима, – неожиданно тихо сказал кесарь.

И завершил речь.

Едва стих глас императора, над всей площадью вспыхнула руна. Она серебрилась и переливалась несколько томительных секунд, а затем рухнула вниз мириадами собственных копий, запечатлевшись на груди каждого воина.

Перед нами заискрилось зеркальное поле.

– Что это за руна? – спросила я, ступая в портал за увлекающим меня кесарем.

– Руна единения, нежная моя, – спокойно ответил кесарь. – Руна абсолютного единения. Это как?

– В смысле, они больше не смогут предать? – спросила я, замерев на пороге перехода.

Там, за зеркальной гладью, виднелась новая крепость.

– Все сложнее, нежная моя, – Великий Араэден холодно взглянул на меня, – руна единения соединила их жизни с моей в одностороннем порядке. Умру я – оборвется их дыхание.

Оригинально. Я невольно взглянула на кесаря, потом на зеркальный проход, потом поняла, что, кажется, у меня шок. Нет, правда, шок. И дело не в том, что это был долгий, очень долгий день, и даже не в том, что кое-кто, не будем указывать пальцем, кто именно, приволок меня в свой мир, дело в другом – это что за руны такие?! И как? Как подобное в принципе возможно? Это... это...

Император, игнорируя мой напряженный мыслительный процесс, шагнул в зеркальную гладь, выводя меня на постамент в очередной крепости. Мы оказались в центре совершенно жуткого с точки зрения архитектуры здания. Скажу больше – законы природы и земного притяжения как таковые в данном строении были попорчены самым жестоким образом.

– Нежная моя, – предостерегающе произнес кесарь.

А при чем тут я?! Нет, серьезно, я не имею никакого отношения к этому конкретному издевательству над архитектурой. Я вообще в этом мире от силы часа четыре. Ну, может, пять максимум, а этой без всякой опоры висящей над морем крепости лет так триста-четырееста, судя по замшелым местами стенам.

Оглядевшись, увидела, что крепость над морем висит вовсе не в одиночестве – и справа, и слева, куда простирались возможности несовершенного человеческого зрения, виднелись примеры такого же издевательства над природой и зодчеством. Крепости между собой были соединены довольно хлипкими на вид веревочными лестницами и мостиками, эта конкретная крепость являлась самой крупной, в ней даже имелись два трона на высоченном постаменте из белого мрамора, к которому вело ступеней триста, не меньше. Вот на этом постаменте мы с кесарем и оказались. Здесь битва была куда менее кровопролитной, да и в целом ее, похоже, еще толком не было, потому как крепость стягивала силы – по белоснежной веревочной паутине мчались тысячи красных воинов. Неимоверно, но из морских глубин, до которых явно было очень далеко, ну потому как до самого моря метров сорок, не меньше, было, так вот из морских глубин поднимались непередаваемо жуткие бескрылые и коротколапые морские драконы и... скажем так, утоляли свой аппетит, пытаюсь... сожрать кого получится. В случае с воинами в красно-коричневом все получалось, к моему прискорбию – прискорбно все же наблюдать, как жрут тебе подобных. Но если драконы щелкали зубами возле кого-нибудь из светлых, то по этим же зубам и получали – копьями или магией, – и уносились в морские глубины ни с чем. Но относились к этому явно философски, так как выныривали снова, держась подальше от светлых и радостно утаскивая людей!

– Все же должна заметить – с вашей стороны было наглým враньем утверждать, что люди в этом мире только рабы! – возмущенно прошипела я.

Кесарь, стандартно являя собой силу, мощь и власть, соответственно роли молчал, ожидая, видимо, пока добегут воины, которых явно по тревоге стянули в это издевательство над архитектурой. А я с трудом сдерживалась от негодования. Не могу утверждать, что я отличаюсь излишним человеколюбием, но во имя всех дохлых гоблинов, в Рассветном мире нас, собственно, жрут одни эти самые гоблины, а тут, похоже, все кому не лень!

И тут из глубин морских вырвалось совсем уж жуткое создание – черно-фиолетовый длинный, как червь, шипастый монстр. И вот он, явно решив присоединиться к поголовному издевательству над всемирным законом тяготения, завис в воздухе над крепостью, сложившись в знак бесконечности. В смысле, явно бесконечного издевательства.

С появлением над плоской крепостной площадью сего монстра защитники, теснившие воинов кесаря, последних ни с чем не путаешь, они упорно ассоциировались у меня со сверкающими наконечниками копий, остановились. И над всей крепостью воцарилась звенящая напряженная тишина, более того – прекратилось активное питание человеческими воинами, в смысле, из морских глубин никто зубастый более не выпрыгивал.

В этой жутковатой тишине отдаленным раскатом грома прогрохотал голос глубинного монстра:

– Харрагатан, Араэден!

– Окатарран, Згахерраэ! – величественно ответил кесарь.

Величественно, это да, но определенно была разница между тем, как он величественно вещал о необходимости ему покориться, и сейчас, когда, похоже, приветствовал морского дра-

кона... Лично у меня возникло ощущение, что оба жутко рады видеть друг друга и вообще обнялись бы, не присутствуй здесь столько народа.

На мои мысли кесарь отреагировал совершенно неожиданно – большим пальцем он нежно провел по тыльной стороне моей ладони, после сжал руку, видимо требуя... мм-м, не думать? То есть это было невербальное «Нежная моя, умолкни»?

Что ж, я попыталась, правда, попыталась. Стараясь совершенно ни о чем не размышлять, я проследила за обменом любезностями между кесарем и черно-фиолетовым кошмаром, о Великий Белый дух, надеюсь, этот монстр мне не приснится ночью? С другой стороны, всяческие чудовища – сущая мелочь в сравнении с кесарем, так что главное – чтобы мне кесарь ночью не приснился, вот с остальными есть шанс разобраться.

Великий Араэден бросил на меня насмешливый взгляд, отпустил мою руку и сделал шаг вперед, явно готовясь произнести очередную речь.

Речь вышла выше всех похвал. Я, естественно, не поняла ни слова, но это не помешало оценить всю глубину драматизма, появившуюся на лицах обреченного воинства.

Далее последовала руна. Уже хорошо знакомая мне руна. После которой фиолетово-черный морской дракон рухнул в морские глубины, остальные драконы более не показывались, воинство крепости печально стояло на коленях.

Кесарь же подал мне руку – мы вступили в появившуюся зеркальную гладь.

– Так, значит, люди не только рабы, но еще и корм для всяческих морских гадов и пешее обреченное мясо в каждой битве? – осведомилась я.

Мрачно взглянув на меня, император ответил:

– Мне плевать на людей, нежная моя. Усвой это.

– Но мне есть до них дело! – не сдержалась я.

Кесарь на это восклицание ответил улыбкой, не то чтобы очень ласковой, скорее насмешливой.

– То есть раз мне есть до этого дело, то это исключительно моя проблема? – догадалась я.

– Именно так, нежная моя.

Глубоко вздохнув, я медленно выдохнула, успокаиваясь. Хорошо, моя так моя, разберусь, не маленькая. Кесарь величественно кивнул, одобряя мое решение. И тут я заметила, что он продолжает стоять, размышляя о чем-то. Интересно, о чем? Воспитательная беседа, насколько я поняла, прошла вполне успешно, в смысле, в духе кесаря, то есть более чем успешно. В чем же проблема?

Император прекрасно считал все мои мысли, но продолжал молчать, глядя куда-то перед собой. В чем же дело?

А потом я поняла – руна. Руна, которую он использовал... Можно ведь было обойтись руной... мм-м... подчинения, к примеру. По идее, должна быть такая. Кесарь же использовал одностороннюю связующую руну, поставив жизни своих воинов в прямую зависимость от собственной жизни. К слову, это странно, если учесть, что кесарь в принципе бессмертен... Хотя, если подойти к этому делу с умом, то... А впрочем, не о том думаю. Вернемся к руне.

– И на кой гоблин вы именно ее наложили на ваше цветастое войско? – поинтересовалась я.

– Потому что руна подчинения на них уже есть, нежная моя, – сухо ответил кесарь.

Оу... М-да.

– Сочувствую, – тихо сказала я. И тут же уточнила: – Элионей?

– Да. – Кесарь, как и всегда, был немногословен.

Вспомнив о том, что магия темных защищала дворец, уточнила повторно:

– С помощью темных?

– Да.

Я невольно подумала – каково это, вернувшись домой, узнать, что твои войска вынуждены подчиняться твоим врагам, потому что их откровенно предал твой родной брат... Представила себя на месте кесаря, вспомнила, на что способна Лориана, и поняла... С этим нужно что-то делать. Определенно.

– Что у нас дальше по плану? – спросила у кесаря.

Он сжал мою ладонь, глубоко вздохнул, и мы вновь шагнули в зеркальную гладь.

* * *

А здесь был бой.

Высоко в небе надрывно кричали птицы, и, взглянув вверх, я поняла, что это не просто птицы – боевые орлы, оседланные... похоже, что темными. При нашем появлении орлы, что до того кружили над полем боя, пошли на снижение и в итоге зависли напротив нас с кесарем, позволяя мне рассмотреть своих всадников. У темных была темная, почти черная кожа, алые, сверкающие словно сотней граней глаза, широкие белозубые ухмылки, столь же клыкастые, как и у светлых, совершенно черные волосы, в основном или выбритые по вискам, так чтобы хвостом спускались на спину, или же собранные в высокие хвосты, опять же, отброшенные на спину. Одежда... как таковой, ее в принципе не было. У женщин – а среди орлиных всадников оказались две представительницы моего пола – грудь была перехвачена широкими кожаными ремнями, помимо этого, имелись кожаные же брюки. И все. Остальной одеждой они себя не обременяли, мужчины и вовсе красовались голыми торсами.

Примечательно, что, как только эти семеро зависли напротив меня и кесаря, бойня внизу, в долине, мгновенно прекратилась. И стало ясно, что темные и светлые сражались единым могучим и превосходящим раз так в двадцать фронтом против серебристых сторонников кесаря. То есть силы были определенно неравны. И вообще, глядя, в какие тиски взяли сторонников кесаря, с ходу стало ясно – мы прибыли определенно вовремя. Вот только... только вопрос, есть ли у нас шанс противостоять объединенным силам.

И тут один из орлиных всадников прыгнул с орла, встал, сложив руки на груди, и, насмешливо глядя на кесаря, произнес:

– Хагаррак тэр иварсакан, Араэден!

Короче, я понятия не имею, что он произнес. Но мне очень хотелось бы знать, что это было, если честно, хотя и так ясно – какое-то оскорбление. Мой кесарь повернул голову, посмотрел на меня, улыбнулся едва заметно, вновь посмотрел на темного и...

И темный упал.

Вот только что стоял, издевательски ухмыляясь, и тут как рухнет... наземь.

– Агаэээээээр! – истошно завизжала одна из темных.

И тоже рухнула. Она упала, а ее крик еще неся над полем битвы. А потом рухнули остальные орлиные всадники. Просто упали бездыханными трупами, вызвав ступор у войск. Потом кесарь протянул руку, с его пальцев сорвались сверкающие искорки, окружили орлов, растворились в сбруе, седлах и прочем, что на могучих птицах было навешено. И орлы, мотнув головами, словно избавились от чар и разом закричали, раскрыв клювы. А затем медленно, устало, понесли в небо... кажется, возвращаясь к себе домой. Они были в плену? Что-то мне подсказывало, что да. И я утвердилась в этом предположении, когда самый крупный из орлов, сложив крылья, спустился вниз, удержавшись в нескольких метрах над землей, и склонил голову перед кесарем. Явно выражая признательность. Пресветлый император ответил ему полным достоинства полупоклоном, и гигантский орел вновь взмыл в небо.

– Создается впечатление, что с каждым монстром Эрадараса вы знакомы лично, – заметила я. После сопоставила слово «монстр» собственно с кесарем и невольно улыбнулась. Про-

сто улыбнулась, и только улыбнулась, но Великий Араэден одарил меня крайне внимательным взглядом.

Дальше традиционно была речь.

Впечатляющая, чеканная, полная ледяной ярости, так присущей нашему бессмертному. А еще в этой речи звучало... кажется, обвинение. Да нет, не кажется, кесарь действительно обвинял. Жестко и основательно, в смысле, у него определенно были для этого основания.

И когда речь его завершилась, на поле боя вспыхнуло пламя!

Точнее, как пламя... вспыхнули воины. Светлые воины и некоторые из... людей в красно-коричневом.

Последнее заставило меня понервничать, но я не посмела выступить против... похоже, казни. Никто не посмел. Над полем и тысячами замерших воинов пронесли вопли гибнущих, смешанные с ревом пламени, после гибнущие попадали на покрытую грязью и пылью землю. Люди упали без движения, больно царапнув меня осознанием хрупкости моего вида, лорды остались живы. Обгорелые до черноты, покрытые одним сплошным ожогом, они лежали на земле и тихо подвывали от невыносимой боли. Но они определенно выживут, люди – нет!

Речь кесаря завершилась.

Мы шагнули в зеркало портала, возникшее перед нами.

* * *

А вышли в спальне.

Великий Араэден отпустил мою руку, прошел к огромному окну, в пол-стены этой громадной спальни, и встал, сложив руки на груди и глядя вдаль. Молча. С ненавистью. С яростью, для которой не было выхода. И вместе с тем с тоской.

А я все пыталась понять, что не так. На мой взгляд, возвращение к власти прошло более чем триумфально – дворец не просто под нашим контролем, но его вообще выстроили заново. Основные тактически важные военные крепости теперь полностью подконтрольны кесарю, более того – они поставлены в прямую зависимость от его жизни. Фактически, проводи подобный маневр любой из наших правителей, сейчас бы весело отплясывал... а кесарь – нет. Создавалось впечатление, что он переживает настоящее горе...

Неожиданно вспомнила убийство темных и освобождение гигантских орлов. И свою дурацкую фразу: «Создается впечатление, что с каждым монстром Эрадараса вы знакомы лично».

И совершенно ясно поняла – орлы! Они были пленены и закованы, но, чтобы их пленить, требовалось сначала победить их – гордых, могучих и готовых сражаться за свою свободу до последнего.

– Да, нежная моя, – тихо отозвался кесарь. – Все эти годы я переживал за мать. Все мои мысли и тревоги были о ней... И сейчас я испытываю стыд, понимая, что о самых преданных своих сторонниках практически не вспоминал...

Он замолчал на миг, затем еще тише, с болью, ощущающейся в каждом слове, продолжил:

– Крылатый народ – погибло две трети, гнезда разорены, большая часть выживших – в плену, под темными. Керукхарн лишь предполагает, что некоторой части его стаи, в том числе его орлице с выводком, ради которых он подставился под магическую сеть, удалось скрыться среди северных гор, но точно ему неизвестно. Орлы в снегах... не выживают.

И я поняла то, о чем не сказал Араэден: этот могучий орел даже не знал, выжила ли его пара... выжила ли его семья...

– Морукаи, – продолжил с ледяным спокойствием, наполненным тяжелым равнодушием, кесарь, – морской народ... Выжила одна десятая. Леса Нари сокращены вдвое. Нарийские дри-

ады – воинственный народ, об их реальной численности неизвестно никому, но каждое дерево священного леса – вместилище дриады... нет дерева, нет... той, что дышала им!

Он замолчал.

Несколько долгих секунд смотрел вдаль, затем добавил:

– Агэкхери – песчаные демоны... уничтожены.

– Почему?! – Я воскликнула, прежде чем даже поняла это.

Кесарь усмехнулся уголком рта:

– Агэкхери были первыми, кто ощутил, что я гибну. Трое суток они пытались прорваться на территории Эрадараса. Они бились... за меня. Когда пали воины, темные уничтожили поселения. Сведений о выживших на данный момент нет.

Не знаю, как кесарю – от осознания масштабов катастрофы лично мне было больно. Больно, даже притом что я практически не знала, о ком конкретно речь. Но их преданность заслуживала уважения. А жестокость темных...

Я запрокинула лицо, глядя вверх, на белоснежный искрящийся куполообразный потолок спальни, глубоко вздохнула, вытерла слезы и... я наследница Оитлона, я – Катриона Ринавиэль Уитримана, я не из тех, кто сдается и опускает руки, и уж тем более не буду плакать там, где нужно действовать.

– Насколько я понимаю, меня вы оживили? – обратилась я к кесарю.

Пресветлый император медленно обернулся ко мне, холодно взглянул своими жуткими сверкающими глазами.

– Да бросьте, я проткнула себя мечом... чтоб вас! – При воспоминании об этом хотелось пожелать кесарю, чтоб его гоблины сожрали. Но речь сейчас шла не о нем.

– Мы можем попытаться оживить ваших песчаных демонов, – сказала я.

– Миновал год, нежная моя, – ледяным тоном произнес кесарь.

Пожав плечами, я напонила:

– Если я не путаюсь... хотя должна заметить, смерть могла и несколько повлиять на субъективное ощущение времени, вы примерно так часов пять назад впитали в себя силу Аршхана. И не знаю, станет ли это для вас новостью, учитывая ваши возможности бывать в каждом месте Рассветного мира в любой момент, но существует прецедент оживления массового побоища посредством моего с ракардом страстного поцелуя. Почему бы не попробовать? Все лучше, чем страдать о потерянных преданных сторонниках!

Безразлично слушавший меня кесарь при последней фразе взбешенно сузил глаза, но...

– Но я права, – заметила вслух.

– Как сказать, решительная моя, – улыбнулся пресветлый император. – Механизм возвращения к жизни, а точнее, к моменту гибели, запустила ты, поцелуй ракарда являлся лишь спусковым крючком. Но если ты еще не забыла, нежная моя, в этом мире магии ты лишена.

Не забыла. Впрочем, если быть откровенной – я и в своем мире особо о магических способностях не вспоминала, привыкнув обходиться без них. А что касается заявления кесаря, повторила:

– Если я не путаюсь... хотя должна напомнить, что смерть могла и несколько повлиять на субъективное ощущение времени, вы примерно так часов пять назад впитали в себя силу не только Аршхана... но еще и мою страстно высосали!

– Выцеловал, – с усмешкой поправил кесарь.

И подал мне руку.

И я пошла. Без сомнений и сожалений, невзирая даже на то, что примерно так пять часов назад этот светлый лишил всей силы меня, Аршхана и Динара, а после... Отбросила это воспоминание. Отшвырнула, с диким чувством сожаления и решимостью выжить и вернуться. И плевать, какой ценой! Пусть даже ценой помощи своему врагу.

– Я не враг тебе, нежная моя, – спокойно произнес кесарь.

Спорить не стала, молча положив руку на его раскрытую ладонь.

Пальцы императора сжались, вызвав невольную ассоциацию с железным захватом прочнейшей ловушки.

А затем открылся портал.

* * *

Порой мне казалось – засну стоя. Но потом накатывало осознание – нет, стоя не получится, потому как совершенно определенно я сейчас рухну в эту красноватую пыль от усталости. И уже не встану. Точно, не встану.

Кесарь, полуобнаженный, в темно-коричневых кожаных брюках, заправленных в странные местные сапоги, мягкие, с мягкой подошвой и плетением из ремешков, стягивающих эту обувь, с широкими кожаными браслетами на руках, остановился, развернулся и посмотрел прямо на меня, словно услышал мои мысли... Хотя о чем это я, он их совершенно определенно слышал.

Вздохнув, подумала о том, что уже и понять нельзя, даже мысленно. Все нормально со мной, на ногах пока держусь, и спину ровно тоже держу, и вообще излучаю спокойствие, рассудительность и прочие приличествующие пресветлой леди эмоции.

Усмехнувшись, кесарь вернулся к малоприятному делу – собиранию останков. Останков! За год от них мало что осталось, но Великого Араэдена это не особо смущало, и его доверенных военачальников так же. На данный момент с нами было пятеро из семи доверенных. Двое временами появлялись среди находящейся метрах в ста от нас конструкции из серых и розовых валунов, подбегали к кесарю, припав на колени и опустив голову, отчитывались перед своим полуголым вождем... Судя по скорости движений и неутомимости, это был очень выносливый вождь... И не надо бросать на меня такие злые взгляды!

Отчитывались, полагаю, о текущем подчинении всех войск и территорий власти вернувшегося императора. Кесарь молча выслушивал, после произносил несколько слов и возвращался к прежнему занятию. Собирацию останков. В основном при помощи магии, но не чурался прикасаться и руками, вытаскивая из красновато-кирпичного песка черепа разного размера. Здесь было много детей. Меня поразило это. Не только жестокость темных, не пощадивших даже новорожденных крох... Жестокость наших противников лишь заставила более серьезно к ним относиться. Поразило то, что кесарь перенес нас сюда и вот уже несколько часов старательно восстанавливал все, что мог восстановить. Восстанавливал тела здесь. В поселении. Притом что воины этих песчаных демонов находились далеко отсюда, и, по идее, нужнее были именно они.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.